

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ АВТОНОМНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
**«БЕЛГОРОДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ
ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»**
(Н И У « Б е л Г У »)

ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ
ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ
КАФЕДРА РУССКОГО ЯЗЫКА И РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

**ПРЕЦЕДЕНТНЫЕ ФЕНОМЕНЫ
И ИХ ВЫРАЗИТЕЛЬНЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ
(НА МАТЕРИАЛЕ БЕЛГОРОДСКОЙ ПОЭЗИИ)**

Выпускная квалификационная работа
обучающегося по направлению подготовки
44.04.01 Педагогическое образование,
магистерская программа «Языковое образование»
заочной формы обучения, группы 02031654
Васневой Ларисы Анатольевны

Научный руководитель
кандидат филологических наук,
доцент Левина Э.М.

Рецензент
преподаватель МБУ ДО
«Детская школа искусств
поселка Майский
Белгородского района
Белгородской области»
Стручалина Г.В.

БЕЛГОРОД 2019

Содержание

Введение	4
Глава 1. Теоретические аспекты исследования прецедентных феноменов в художественно-поэтическом дискурсе	11
1.1. Специфика художественного текста	11
1.2. Категория интертекстуальности и прецедентности. Принципы классификации прецедентных единиц	14
1.3. Прецедентные феномены как образное отражение культуры. Уровни и источники прецедентности	19
Краткие выводы по главе 1	26
Глава 2. Анализ прецедентных феноменов в дискурсе белгородской поэзии	28
2.1. Краткие сведения о поэзии Белгородчины	28
2.2. Прецедентные феномены в белгородской поэзии. Уровни и источники прецедентности.	32
2.3. Прецедентность как репрезентация концептосферы поэта (прецедентный мир И.А. Чернухина)	49
2.4. Функциональные и культурологические особенности имен собственных как потенциал прецедентности	58

2.4.1. Особенности функционирования антропонима	58
2.4.2. Метонимическое использование топонима как потенциал прецедентности	64
2.4.2. Метонимическое использование астронима как потенциал прецедентности	73
2.5. Организация исследовательской деятельности школьников при изучении прецедентных феноменов	77
Краткие выводы по главе 2	81
Заключение	84
Список использованной литературы	90
Список источников	97

ВВЕДЕНИЕ

В современном языкознании на смену структурной лингвистике пришёл антропоцентрический подход к изучению языка, который имеет в своей основе исследование связи языка с жизнью человека, его сознанием, мышлением, культурой, предметно-практической деятельностью.

Таким образом, сегодня полноценное изучение художественного текста невозможно представить без обращения к понятию интертекстуальности, понимаемой нами как актуализация межтекстовых связей употреблённой языковой единицы при её смысловом развёртывании в новом контексте. В лингвистике для интертекстуальных единиц используется понятие прецедентного феномена.

Явление прецедентности в настоящее время становится объектом пристального внимания лингвистов. По мнению Г.Г. Слышкина, этот интерес объясняется «глубокими культурными корнями». «В данном случае, - полагает он, - отечественная культура не склонна к текстопорождению. В дискурсах различных слоёв общества налицо тенденции к ностальгическому переживанию текстовых ценностей прежней эпохи, к осмыслению и компиляции текстов других культур, прежде недоступных по идеологическим причинам» [Слышкин 2000].

В данном исследовании прецедентные феномены также рассматриваются в связи с проблемой их выразительных возможностей в дискурсе белгородской поэзии.

Пристальное внимание учёных к феномену языковой личности сопровождается и повышенным интересом исследователей к феноменам, которые определяются в научной литературе как прецедентные [Красных 1997: 5].

Явление прецедентных феноменов, воссоздающее менталитет представителей определенной лингвокультуры, наиболее широко представлено в ху-

дожественных произведениях и публицистике. Именно с этим связано внимание ученых анализу прецедентных феноменов как значимых моделей вербализации культуры в языке. Исходя из того, что художественный текст отражает мировоззрение автора как представителя определенной социальной общности, можно судить о языковой картине мира самого автора и социума в целом. Поскольку с позиций категорий интертекстуальности и прецедентности творчество белгородских авторов практически не описано, исследование функциональной нагруженности системы интертекстуальных и прецедентных средств, воплощенных в произведениях писателей Белогорья, является **актуальным**.

Изучение использования явлений прецедентности как особого феномена литературной речи, начало которому было положено в психолингвистике и теории коммуникации при проведении ассоциативных экспериментов (Супрун, Клименко, Титова 1975; Караулов 1988, а также: Горелов, Седов 1997; Семенец 1999), активно развивается в современной лингвистике [Караулов 1986 и 1987; Супрун 1995; Костомаров, Бурвикова 2000; Слышкин 1999; а также: Захаренко 1999; Соболева 2000; Кузнецова 2000].

Сказанное подтверждается постоянным интересом ученых к данной проблематике. Так, текст Библии в качестве прецедентного рассматривается в работах А.Н. Кремневой (1999), Н.М. Орловой (2006), А.Г. Салаховой (2006). Лингвокультурная специфика прецедентов затрагивается такими учеными, как Г.Г. Слышкин (1999), А.А. Свинцова (2005), И.С. Акатьева (2006), В.В. Джанаева (2008), Р. Романьолли (2006), О.В. Свахина (2008), Л.Ю. Федорова (2008).

Применительно к анализу художественного произведения прецедентность освещается в работах М.А. Гасановой (2005), О.А. Пономаревой (2008), О.М. Крижовецкой (2008). Прецедентные феномены рассматривались также в трудах по психолингвистике: Ю.А. Сорокин (1985), В.П. Белянин (1988), В.И. Жельвис (1996), А.А. Залевская (1999), А.А. Леонтьев (2001),

Т.Н. Медведева (2006). Нами предпринята попытка рассмотреть функциональные и культурологические особенности прецедентных феноменов, выявленных в художественных произведениях белгородских авторов, а также установить выразительные возможности прецедентных феноменов. Такие художественные элементы в контексте литературного дискурса создают особый прецедентный мир.

Прецедентные единицы [лат. *praecedens (praecedentis)* – идущий впереди, предшествующий] – это единицы, производные от уже существующих языковых /дискурсивных знаков и служащие примером, основанием (смысловым и структурным элементом) для последующих случаев их языкового употребления в новом контексте.

К прецедентным феноменам относят *прецедентные тексты, прецедентные высказывания, прецедентные имена*.

Объект данного исследования – прецедентные феномены текста, используемые авторами в белгородской поэзии.

Под прецедентными феноменами мы понимаем уже «отмеченные» ранее в литературном дискурсе и традиционно выступающие в качестве «готовых» элементов текста единицы.

В качестве **предмета изучения** рассматриваются выразительные возможности прецедентных феноменов в художественно-поэтическом дискурсе белгородских поэтов.

Цель диссертации – выявление и описание экспрессивного потенциала прецедентных феноменов в структуре прецедентного мира анализируемых авторов, что предполагает функциональный и культурологический анализ прецедентных знаков.

Для достижения поставленной цели в работе решаются следующие **задачи**:

1. проанализировать понятийно-терминологический аппарат современных исследований в области теории прецедентности;

2. выявить и описать функциональные и культурологические особенности прецедентных единиц в белгородской поэзии;

3. определить основные источники выразительности прецедентных феноменов в художественно-поэтическом дискурсе Белогорья;

4. выявить и описать основные типы прецедентных феноменов, предпочтительных для художественно-поэтического дискурса белгородских авторов.

Теоретико-методологическую основу исследования составил ряд теорий, концепций и подходов в лингвистике, лингвокультурологии, когнитивистике, этнолингвистике, семантике, интертекстологии, истинность и эффективность которых подтверждена практикой и обоснована в трудах таких ученых, как М.М. Бахтин (1979), Ю.Н. Караулов (1987), М.Б. Ямпольский (1993), В.Г. Костомаров, Н.Д. Бурвикова (1994), А.Н. Кремнева (1999), Е.В. Михайлова (1999), М.В. Вербицкая (2000), Г.Г. Слышкин (2000), М.И. Киосе (2002), В.В. Красных (2002), В.И. Карасик (2003), Д.Б. Гудков (2003), Е.А. Нахимова (2007), Г.К. Косиков (2008), Т.А. Лавриненко (2008), Н. Пьеге-Гро (2008).

В качестве **методов** исследования были использованы следующие: **метод лингвистического описания**, включающий **интерпретацию, сравнение и обобщение анализируемых единиц, аналитический метод**, позволяющий представить видовую и функциональную классификации прецедентных феноменов в белгородской поэзии. В качестве **материала исследования** используются поэтические тексты современных белгородских авторов: И.Чернухина (Чернухин И.А. Город надежды: книга стихов. – Белгород: ОАО «Белгородская областная типография», 2006); В. Молчанова (Молчанов В.М. Поле русской славы : стихи. – Белгород : КОНСТАНТА, 2011); В.Харченко (Харченко В. «На звенящих канатах усердия и милосердия». Стихи. Заметки о стихосложении). – Белгород: Изд-во БелГУ, 2002.); Ланы Ясновой (Лана Яснова. Зеркала. – Новокузнецк: «Союз писателей», 2015),

Виктории Кичигиной (В. Кичигина Утоление жажды. Белгород, 2011); Натальи Дроздовой (Дроздова Н. В. День пленэра: стихотворения. – Белгород : КОНСТАНТА, 2014); А. Оберемок (А. Оберемок Пьяные стихи: стихотворения. – Белгород : 2012.)

Посредством сплошной выборки из произведений указанных авторов Белогорья был сформирован корпус прецедентных феноменов, анализируемых в настоящей работе. В целом исследованию подверглись около 450 прецедентных единиц.

Научная новизна исследования состоит в выделении прецедентных единиц как выразительных средств, кроме того в исследовании впервые проводится комплексный анализ закономерностей функционирования и структурирования прецедентных феноменов в белгородской поэзии; проанализированы различные виды прецедентных феноменов, новизна диссертации также связана с выявлением и толкованием ряда идиостилистических особенностей автора при создании прецедентного мира художественного произведения.

Теоретическая значимость исследования заключается в том, что оно вносит определенный вклад в развитие междисциплинарных подходов в изучении языка и культуры, языка и коммуникации, лингвокультурологии, состоящий в расширении и усовершенствовании процесса выявления и толкования культурологической ценности прецедентных текстов.

Практическая значимость диссертации состоит в том, что теоретический материал и результаты исследования могут быть использованы в ходе лекционных занятий по лингвистическому анализу текста, спецкурсов и семинаров по теории языка, лингвокультурологии, социолингвистике, когнитивной лингвистике, стилистике языка, ономастике, теории художественного дискурса. Языковой материал может быть использован при дальнейших научных разработках проблемы и для составления спецкурсов, спецсеминаров, факультативов.

На защиту выносятся следующие **положения**.

1. Авторы поликультурных текстов (писатели с бинарной этноидентичностью) активно употребляют разные виды прецедентных феноменов как сюжетообразующие и стилистические приёмы, как образные средства

2. Прецедентные единицы реализуют в индивидуально-авторской картине мира свои метафорические и символические потенции, формируют особое лингвокультурное пространство, в котором элементы текста находятся во взаимодействии и взаимопроникновении. В результате текст трансформируется в дискурсивное образование, встраиваясь в общелитературный и общекультурный контекст.

3. Прецедентные феномены вводятся автором и в своей речи, и в речи персонажей с разными целями: чтобы придать динамику движению сюжета; показать направление движения сюжета; передать краткой речевой единице многие значения, скрытые в знаниях культуры, как иллюстрации этнокультурной принадлежности персонажей, формирования их образов в сознании читателя в процессе восприятия текста; для ознакомления читателя с иной для него культурой.

4. Прецедентные имена играют важную роль в концептуализации и вербализации элементов индивидуально-авторской картины мира. В самом выборе прецедентных единиц находит отражение творческая языковая личность автора как триединство общечеловеческого, национального и индивидуального.

5. Прецедентное имя реализует свою коннотацию, будучи употребленным не только в прямом, но и в переносном значении, в качестве метафоры, символа, способствуя расширению культурного контекста поэтического произведения.

6. Белгородские авторы находятся в русле общерусской поэтической традиции в отношении отбора и употребления прецедентных единиц, однако в творчестве корифеев белгородской поэзии (И.А. Чернухин и др.) наблюдается преобладание фольклорно-мифологических включений прецедентных элементов над книжными (литературными).

Основные результаты диссертации представлены в докладах на следующих конференциях: Международный молодежный форум Белгородский диалог (г. Белгород, 2013, 2014). По теме диссертации опубликована одна статья.

Структура работы. Исследование состоит из Введения, двух глав, Заключения, Списка использованной литературы.

Во **Введении** обосновываются выбор темы, её актуальность и научная новизна, определяются объект, предмет и задачи исследования, перечисляются применённые методы и приёмы, устанавливаются исходные теоретические позиции, характеризуется анализируемый материал, даётся краткий обзор научных позиций лингвистов, определяющих современные подходы к проблемам прецедентности.

В **первой главе** диссертации рассматриваются специфика художественного текста, излагаются теории, посвящённые прецедентности как лингвокультурному феномену, в основе которого лежат интертекстуальные связи, рассматриваются различные типы прецедентных феноменов и их выразительные возможности.

Во **второй главе** рассматриваются функциональные и культурологические особенности всей совокупности прецедентных феноменов в художественных произведениях авторов Белгородчины, создающих особый прецедентный мир литературного дискурса; выделяются основные типы прецедентных единиц, предпочтительные для поэтического дискурса Белогорья; рассматриваются источники прецедентности в белгородской поэзии; определяется национально-культурная обусловленность использования прецедентных феноменов в художественно-поэтическом дискурсе анализируемых авторов.

В **Заключении** подводятся итоги проделанной работы и намечаются перспективы дальнейшего исследования.

ГЛАВА 1. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ПРЕЦЕДЕНТНЫХ ФЕНОМЕНОВ В ХУДОЖЕСТВЕННО ПОЭТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

1.1. Специфика художественного текста

Художественный текст – уникальное с точки зрения лингвистики явление, он характеризуется образностью, эмоциональностью, субъективностью, выражением авторского отношения и оценки к тому или иному компоненту текстовой реалии, в которую могут быть включены обще- и этнокультурные знания.

Пространство художественного текста содержит в себе внутреннюю динамику движения сюжета, кроющуюся за недосказанным, и это могут быть не только фигуры умолчания, обманутого ожидания, но и прецедентные феномены, которые представляют часто своим внешним обликом простую лексему, раскрывающую свои значения в сознании читателя при наличии у читателя соответствующих фоновых знаний и интереса к раскрытию истинного смысла текста. Яркость красок спроецированной реальности во многом зависит от воли и желания самого автора, его картины мира, окружающей автора социально-культурной среды. В современной науке о языке, когда идёт процесс накопления и обобщения фактов, особое внимание начинает уделяться художественному тексту. Если раньше текст как бы расчленялся на минимальные составляющие, способные нести лексические и грамматические значения, которые потом и изучались, то теперь любой текст начинает рассматриваться с точки зрения смыслов, значений не только отдельных лексем, их форм, но и самого текста как целого, значений, взаимодействующих между собой, формирующихся друг из друга, создающих завершённое композиционное единство. Все лингвистические ресурсы, которые описаны языковедами, используются и в художественном тексте. Однако художественный

текст представляет собой всё ещё обширное поле для изучения средств выразительности речи.

Исследованию средств выразительности речи посвящены работы таких исследователей, как В.В. Виноградова, М.Н. Кожинной, Н.Д. Арутюновой, И.В. Арнольд, Н.С. Болотновой, М.Б. Борисовой и др.

Смысл художественного текста – это информация, которая может быть логической, эмоциональной и эстетической. Далеко не всегда смыслы, которые автор вкладывает в текст, и те значения, которые вычлняет и воспринимает читатель, одинаковы. В художественном тексте часто бывают опущенные, но подразумеваемые элементы информации. Об эстетической функции языка писали еще Ш. Балли, Г.О. Винокур, Л.В. Щерба и др. Художественный текст, по мнению И.В. Арнольд [Арнольд 2002], выполняет общественно-социальную, познавательную и эстетическую функции. В художественном тексте есть поверхностные и глубинные смыслы; поверхностный передает прежде всего словарь, а глубинный – образные структуры. Художественному тексту присуще наличие эстетической функции, наличие подтекста (имплицитность содержания), неоднозначность восприятия и нереальность художественной действительности, лишь отражающей и моделирующей реальную. Н.С. Валгина отмечает, что «в художественном тексте за изображенными картинками жизни всегда присутствует подтекстный, интерпретационный, функциональный план: «вторичная действительность» [Валгина 2003: 76]. Художественный текст насыщен ассоциативными связями, эмоциональность и образность являются едва ли не главными его составляющими. В современной антропоцентрической парадигме лингвистики текст есть опосредованная языком коммуникация автора с читателем. Окружающая среда, культурные традиции и тенденции развития общества той или иной эпохи влияют на автора, который свои восприятия воплощает в текст, а читатель его декодирует, опираясь на свои фоновые знания, происхождение, окружение и социокультурную среду, в которой он проживает. В художественном

тексте находит своё отражение духовный мир автора. На основании работ М.Н. Кожинной, Л.Г. Бабенко, Б.М. Гальперина, Е.В. Ермаковой, О.А. Крыловой можно говорить, что художественный текст – это взаимодействие мышления автора и отраженного в нем окружающего мира, авторской работы с сознанием читателя, выражение творческой индивидуальности писателя, конструирование мыслительных процессов и жизнедеятельности созданных им персонажей. Насколько бы ни был вымышлен персонаж, автор наделяет его чертами, даже если они искажены, окружающего его (автора) реального мира [Кожина, Дускаева, Салимовский 2008; Бабенко, Казарин 2003; Гальперин 1996 и др.]. Думается, что ассоциативные связи фиксируют образную наполненность текста, образы создают творчески воплощенную вторичную реальность. Внутренняя форма художественного слова и есть ход ко второму плану реальности, стоящему за текстом. Механизмы динамики и эмоционально-психологической напряженности вызывают движения мысли читателя, но конструируются автором. Слова в тексте сочетаются не только по грамматическим законам, но и по законам смысловой логики образования единого значения из мельчайших составляющих. Представляется, что смысловая гармония художественного целого членится на несколько уровней: чисто языковой уровень слов, словосочетаний и предложений, уровень построения композиции и образно-ассоциативный уровень подтекстовой реальности. По мнению В.В. Виноградова, в каждом художественном тексте воплощается «образ автора». Авторский художественный текст призван пробуждать компоненты воображения читателя, в разных читательских прочтениях текст каждый раз воссоздаётся по-разному, при этом могут даже открыться смыслы, непосредственно не вытекающие из поверхностной структуры. Каждому художественному тексту свойственна новизна, иначе у него не будет своего читателя. В художественном тексте в отличие от нехудожественной речи особую роль играют эстетические составляющие, выражающиеся в использовании образных средств (эпитетов, метафор, сравнений, аллегорий,

метонимий, гипербол и т.д.). Немаловажную роль играют и прецедентные феномены как выразительные средства.

1.2. Категории интертекстуальности и прецедентности.

Принципы классификации прецедентных феноменов

Ввиду доминирующей позиции антропоцентрической парадигмы в современной науке о языке закономерен интерес ученых к *интертекстуальности* и *прецедентности*, категориям, которые зачастую буквально отождествляются. Несмотря на общность данных понятий, их характеризуют различные свойства, наличие которых в равной степени наблюдается в произведениях исследуемого нами автобиографического дискурса.

Фундаментальные положения категорий интертекстуальности и прецедентности сформулированы в трудах М.М. Бахтина, Ю.М. Лотмана, Ю.Н. Караулова, И.В. Арнольд, в исследованиях Н.А. Фатеевой, Д.Б. Гудкова, Н.А. Кузьминой, Р. Барта, Ж. Женетта, Ю. Кристевой, Н. Пьеге-Гро и др.

Теория интертекстуальности в настоящее время находится в стадии становления, самая главная причина её незавершенности – отсутствие единства в подходе к самому понятию интертекстуальности, а также множество форм интертекстуальных включений.

Категория интертекстуальности тесно взаимодействует с категорией прецедентности. **Интертекстуальность** является результатом бессознательной или направленной отсылки к литературным и культурным фактам, при которой в сознании реципиента происходит актуализация прецедентных феноменов универсально-, национально-прецедентного уровня, в основе которой лежит более или менее завуалированный (имплицитный) образ фрагмента текста (в широком понимании). **Категория прецедентности** является инвариантом интертекстуальности, который реализует свой потенциал на социально-прецедентном и автопрецедентном уровнях и представлена более экс-

плицитными средствами реализации, в основе которых лежит номинация, пересказ или дословное цитирование. В то же время категория прецедентности может реализоваться на универсально-, национально-прецедентном уровнях. В этом случае она будет являться категорией, тождественной категории интертекстуальности.

В решении вопроса о разграничении понятий интертекстуальность и прецедентность полагаемся также на идеи Н.А. Кузьминой: «**Интертекстуальность** соотнесена с культурной значимостью, вневременностью, **прецедентность** с тем, что происходит сейчас и актуально сегодня, но вовсе не обязательно будет значимо завтра. Таким образом, **интертекстуальность** – это транслируемый код культуры как системы традиционных для человечества ценностей материального и духовного характера, **прецедентность** – явление жизни, которое может стать или не стать фактом культуры» [Кузьмина 2000: 205].

Следовательно, интертекстуальность представляет собою более узкое понятие и соотносится с высокой «эстетической ценностью», «культурной значимостью» и «вневременностью». При этом социумно- и автопрецедентные феномены, обозначающие явления жизни, могут выйти (или не выйти) на более высокие уровни и стать (или не стать) общеизвестным фактом культуры, т.е. приобрести (не приобрести) качества интертекстуальности.

Нетрудно заметить, что та или иная классификация представлена едва ли не в каждом исследовании, посвященном прецедентности. Вместе с тем обзор существующих публикаций свидетельствует о многообразии возможных оснований для указанной классификации. Различия в выборе принципов классификации зависят также от цели и задач исследования, рассматриваемого материала, научной школы, к которой принадлежит автор, и ряда иных факторов.

Всякое рассмотрение прецедентных феноменов закономерно начинается с определения их сущности и характеристики их основных типов. В насто-

ящее время наиболее широко используется классификация Д. Б. Гудкова, И.В. Захаренко, В. В. Красных и Д. В. Багаевой [1997], которые предложили разграничивать следующие виды прецедентных феноменов: **прецедентные имена, прецедентные названия, прецедентные высказывания, прецедентные тексты**. Дискуссионным остается вопрос о принадлежности к рассматриваемому классу фразеологизмов.

Во многих исследованиях разграничиваются прецедентные феномены вербального и невербального характера.

Показательно, что еще в 1987 году Ю.Н. Караулов отмечал, что элементы интертекстуальности способны присутствовать во всех сферах, связанных с передачей какой-либо информации [Караулов 1987].

Чаще всего за основу для классификации принимаются понятийные сферы-источники, к которым принадлежат прецедентные феномены в своих основных значениях (литература, театр, политика, кино, спорт, музыка, наука, субкультура и др.). Подобные классификации предлагают О. А. Ворожцова [2007], Ю. А. Гунько [2002], Е. А. Земская [1996], Г. Г. Слышкин [2004], Р. Л. Смулаковская [2004], А. Е. Супрун [1995], С. Л. Кушнерук [2006] и многие другие специалисты. Возможно также разграничение в качестве сфер-источников классической культуры и субкультуры [Долевец 2005], авторских текстов и фольклора [Земская 1996 и др.].

Значительно реже встречаются исследования, в которых за основу для классификации принимаются понятийные сферы-мишени, к которым принадлежат прецедентные феномены в своих вторичных значениях. Это могут быть такие сферы, как реклама, спорт, политика, наука, СМИ и др. [Нахимова 2004, 2005].

В исследованиях О. А. Ворожцовой, Д. Б. Гудкова и С. Л. Кушнерук представлена дифференциация контекстов, в которых наблюдаются денота-

тивное (экстенциональное) и коннотативное (интенциональное) использование прецедентных имен.

В исследованиях Д. Б. Гудкова, В. В. Красных, С. Л. Кушнерук др. детально рассмотрена классификация по характеру взаимодействия различных видов прецедентных феноменов друг с другом. В процессе такого исследования, в частности, рассматриваются механизмы построения и развертывания прецедентных цепочек, в которых один прецедентный феномен актуализирует другой.

Важное место в работах В. В. Красных, Г. Г. Слышкина и ряда других авторов занимает подразделение прецедентных феноменов по характеру прецедентности (в зависимости от степени известности в различных странах, социумах и др.). В этом случае выделяются феномены глобально прецедентные (например, прецедентные имена *Дон-Кихот*, *Отелло* и *Наполеон Бонапарт* известны в самых различных странах), национально прецедентные (это феномены, которые активно используются преимущественно в одной стране) и социумно прецедентные (феномены, которые не имеют общенациональной известности, но популярны в некоторых социальных, профессиональных, возрастных или иных группах); возможны также прецедентные феномены, известные лишь в малых группах, например, в отдельной семье. Г. Г. Слышкин противопоставляет также прецедентные феномены, остающиеся известными на протяжении многих веков, и прецедентные феномены, которые попадают в центр внимания общества лишь на короткий период времени. В рамках еще одной классификации Н. А. Кузьмина противопоставляет две группы текстов. К первой из них относятся «**сильные тексты**», которые «испытаны временем и присутствуют в национальной культуре на протяжении жизни более двух поколений» (это преимущественно литературная классика, религиозные книги, имена и события, надолго остающиеся в народной памяти). Во вторую группу входят «**ключевые тексты текущего момента**», обращение к которым чрезвычайно активно в очень короткое время (реклама,

шлягеры, телесериалы, политические и рекламные слоганы и т. п.). [Кузьмина 2004]. При всей условности границ между названными типами прецедентных феноменов и сложности конкретной дифференциации названная классификация отражает достаточно важные свойства.

В ряде исследований основой для классификации становятся способ указания на источник прецедентности (маркер) или же отсутствие таких указаний (Н. С. Бирюкова, О. А. Ворожцова, Е. В. Михайлова, Е. А. Нахимова и др.). В частности, выделяются такие маркеры прецедентности, как библиографическая ссылка, ссылка на автора, расширенная ссылка на автора, ссылка на название произведения, двойные ссылки, неопределенные ссылки, другие виды ссылок на источник, использование лексических и грамматических показателей не вполне традиционного смысла имени и графическое указание на прецедентность.

Значительно реже встречаются исследования, которые ориентированы на классификацию прецедентных имен по историческому периоду, к которому они относятся [Кушнерук 2006], по национально-культурной принадлежности соответствующих прецедентных феноменов [Кушнерук 2006; Боярских 2007]. В этом случае обычно противопоставляются прецедентные имена отечественного и зарубежного происхождения, а в последнем классе дифференцируются имена, принадлежащие к различным национальным культурам (американская, британская, немецкая, французская, японская и др.).

Можно предположить, что обнаруженные различия объясняются, с одной стороны, тем, что рассматриваются различные виды дискурса (научный, художественный, медийный, бытовой, политический, художественный и др.), а с другой – особенностями методов исследования и задач, которые ставят перед собой авторы.

Отдельную группу могут составить классификации, ориентированные на базисные когнитивные структуры (стереотипы, оппозиции, элементы картины мира и др.), которые находят внешнее выражение в соответствующих

прецедентных именах. Предварительным этапом такой работы должно быть рассмотрение места прецедентных имен в общем составе прецедентных феноменов, то есть сопоставление прецедентных имен с прецедентными высказываниями, текстами и событиями.

При классификации предполагается рассмотреть виды прецедентных имен с точки зрения классификации онимов. По этому основанию можно выделить, в частности, следующие подгруппы: антропонимы, топонимы, космонимы и др.

Теория прецедентности тесно связана с учением об интертекстуальности. В связи с этим опорными при исследовании прецедентных феноменов могут быть такие понятия, как **интертекст / интертекстема** (проявление интертекстуальности), **аллюзия, цитация, реминисценция**.

1.3. Прецедентные феномены в художественном тексте

как образное отражение культуры.

Уровни и источники прецедентности

Возникновение лингвистической теории прецедентности относится ко второй половине XX века. Понятия «прецедентный текст», «прецедентное высказывание», «текстовая реминисценция», «прецедентная текстовая реминисценция» находим в трудах Ю.Н. Караулова, Ю.А. Сорокина, Ю.Е. Прохорова, В.Г. Костомарова, А.Е. Супруна, В.В. Красных, Н.Д. Бурвиковой и др. Согласно работам В.В. Красных, к прецедентным относятся события, явления, предметы, названия, высказывания: «1) хорошо известные всем представителям национально-лингво-культурного сообщества («имеющие сверхличностный характер»); 2) актуальные в когнитивном (познавательном и эмоциональном) плане; 3) обращение (апелляция) к которым постоянно возобновляется в речи представителей того или иного национально-лингво-

культурного сообщества», обобщенно названы ею феноменами [Красных 2003: 170].

При этом В.В. Красных обращает внимание на то, что Ю.А. Сорокин и И.М. Михалёва акцентируют внимание на роли прецедентных феноменов в художественном произведении, показывая, что прецедентный текст – это ещё и «средство <...> фокусировки смысловой массы художественного текста, указывающее на глубину индивидуальной и групповой (социальной) памяти», но прецедентные тексты не могут быть сведены только к художественным [Красных 1997: 6]. По мнению В.В. Красных, «прецедентный феномен не сводится только к фактам их употребления, он может выполнять и роль эталона культуры, функционировать как свёрнутая метафора и выступать как символ какого-либо феномена или ситуации и даже, как символ нации, страны» [Красных 1997: 6].

В.В. Красных подчеркивает, что «за прецедентным феноменом всегда стоит некое представление о нём, общее и обязательное для всех носителей того или иного национально-культурного менталитета» [Красных 1997: 9]. Следовательно, за этим же прецедентным феноменом для представителя другого национально-культурного менталитета стоят или могут стоять другие представления. Прецедентный феномен может иметь для двух разных культур одинаковую форму выражения, но обладать разным содержанием [Красных 2003: 178].

На источник прецедентного высказывания автор художественного текста указывает в том случае, если этот феномен восходит сразу к нескольким источникам: 1) «он имеет несколько авторов в силу параллельного существования»; 2) «стал автономным и потерял связь с настоящим источником и стал приписываться другим» [Красных 1997: 11].

На наш взгляд, для исследования художественных текстов важно учитывать, что писатель, во-первых, может использовать разные типы прецедентных феноменов, опираясь на свою этнокультурную принадлежность, как

специальный прием, показывающий этнокультурную принадлежность своего персонажа. При этом автор часто указывает на источник прецедентного феномена, поскольку знает, что читатель не всегда может понимать, что это прецедентный феномен чужой для читателя культуры и, даже понимая, что это прецедентный феномен, он может не знать всего того смысла и колорита, который за ним стоит. Это обстоятельство очень важно учитывать.

В.В. Красных, как и Д.Б. Гудков, выделяет **социумно-прецедентные, национально-прецедентные и универсально-прецедентные** феномены, но в отличие от Д.Б. Гудкова она не рассматривает автопрецеденты, так как они, по её мнению, либо не отвечают самому определению прецедентных феноменов, либо входят в **социумно-прецедентные** [Красных 2003: 173].

По Д.Б. Гудкову, «автопрецеденты представляют собой отражение в сознании индивида некоторых фрагментов окружающего мира, обладающих особым познавательным, эмоциональным, аксиологическим знанием для данной личности, связанных с особыми индивидуальными представлениями, включенными в неповторимые ассоциативные ряды» [Гудков 2003: 103]. Таким образом, автопрецеденты являются достоянием только одного человека, они не являются областью знаний, принадлежащих какому-либо этносу или даже группе. На наш взгляд, автопрецеденты Д.Б. Гудкова – это всего лишь свойство «языкового образа» в сознании каждого человека преломляться по-разному.

Социумно-прецедентные феномены – феномены, известные любому среднему представителю того или иного социума (генерационного, социального, конфессионального, профессионального и т.д.) и входящие в коллективное когнитивное пространство. Эти феномены могут не зависеть от национальной культуры. Например, феномены, общие для всех мусульман (конфессиональный социум) или для врачей (профессиональный социум) [Красных 2003: 174], возможен даже семейный социум [Сиротинина 2013]. **Национально-прецедентные феномены**, на которые делается особый акцент в

нашей работе, известны любому среднему представителю того или иного национально-лингвокультурного сообщества и входят в национальную когнитивную базу [Красных 2003: 174]. Но прецедентный феномен может быть понятен и только одной узкой группе людей в рамках определенной нации.

Универсально-прецедентные феномены – это такие феномены, которые считаются известными любому среднему современному человеку и входят в универсальное когнитивное пространство [Красных 2003: 174].

По отнесенности к источнику прецедентности прецедентные феномены делятся на **прецедентные тексты, прецедентные высказывания, прецедентные имена, прецедентные ситуации и события (аллюзии)**. Прецедентные феномены – это не закрытая система единиц и значений. При этом прецедентные феномены могут быть как вербальными, так и невербальными [Красных 2003: 171]. К вербальным относится текст, как продукт речемыслительной деятельности [Красных 2003: 171]: высказывания, имена. А к невербальным: произведения живописи, архитектуры, скульптуры, музыкальные произведения, события прошлого и т.д. [Красных 2003: 171].

Ю.М. Лотман, рассматривая культуру как текст, обращает внимание на интертекстуальность, т.е. на значение переплетенности, которое есть в этимологии этого слова. Переплетение может выражаться и в том, как тексты более ранних периодов времени бросают своё отражение на более поздние тексты, встречаются в них в виде цитат, реминисценций и аллюзий [Лотман 1992]. Прецедентные тексты принадлежат языковой культуре (национально-культурному пространству) данного этноса.

Как справедливо отмечает В.В. Красных, прецедентный текст как произведение известное всем – это законченный и самодостаточный продукт речемыслительной деятельности; полипредикативная единица; сложный знак, сумма значений компонентов которого не равна его смыслу. Обращение к прецедентным текстам может многократно возобновляться в процессе общения через связанные с этим текстом прецедентные высказывания или преце-

дентные имена. К числу прецедентных текстов принадлежат произведения художественной литературы (напр., *«Евгений Онегин»*, *«Война и мир»*), тексты песен, рекламы, анекдотов, политические публицистические тексты и т.д. [Красных 2003: 172]. В самом узком смысле *прецедентный текст* – это художественный текст или текст, принадлежащий мировому культурному наследию, фразы и предложения из которого находим в текстах более поздних, более современных эпох (например, *Библия, Евангелие, Коран* и т.д.).

В когнитивной базе представителей народа, членов сообщества в основном хранятся представления от восприятия прецедентного текста, но не сам прецедентный текст. Апелляция к прецедентному тексту предполагает у адресата наличие инварианта его восприятия [Красных 1997: 8], но эти «инварианты» далеко не всегда у адресанта и адресата совпадают.

В.В. Красных подчеркивает, что использование прецедентного текста – это сознательное введение воспоминания о таком тексте в новый, производимый в данный момент текст [Красных 1997: 7].

Д.Б. Гудков обращает внимание на то, что набор прецедентных текстов различен для разных членов социума. Так, текст Евангелия является, безусловно, прецедентным для любого представителя христианского социума, но не, например, для японского [Гудков 2003: 104]. Следует заметить, что даже и в христианском обществе не все христиане знают весь текст Евангелия.

Прецедентная ситуация – некая «эталонная», «идеальная» ситуация связанная с набором определенных коннотаций, дифференциальные признаки которой входят в когнитивную базу; это тоже прецедентный феномен. При этом означающим прецедентной ситуации может быть (как и в случае с текстом) прецедентное высказывание, название или имя (например, **ходынка, смутное время**) [Красных 2003].

Прецедентное имя – индивидуальное имя, связанное или с широко известным текстом (например, *Печорин, Тёркин*) или с прецедентной ситуаци-

ей (*Иван Сусанин*). Такое прецедентное имя – своего рода сложный знак, при употреблении которого в коммуникации осуществляется апелляция не к собственно денотату (в другой терминологии – референту), а к набору дифференциальных признаков данного прецедентного имени. Актуализация прецедентного имени происходит следующим образом: 1) актуализация через характеристику по внешности, 2) через характеристику по чертам характера, 3) через прецедентную ситуацию. [Красных 2003: 199-201]. Как уже говорилось, прецедентные имена могут выступать и в качестве средств реализации прецедентных текстов.

К числу прецедентных высказываний принадлежат цитаты из текстов различного характера (например, *Не спится, няня!; Кто виноват? и Что делать?; Ждём-с!*), а также пословицы, например, *Тише едешь – дальше будешь?»* [Красных 2003: 172-173].

И.В. Высоцкая обращает внимание на понятие **прецедентный образ**. Репрезентантом образа может служить прецедентное имя (*дядя Сэм*) или описательное высказывание (*птица-тройка* у Н.В.Гоголя) [Высоцкая 2013: 126].

Текстовые реминисценции могут представлять собой цитаты от целых фрагментов до отдельных словосочетаний: крылатые слова и выражения, имена персонажей, названия произведений, имена их авторов, прямые или косвенные напоминания о ситуациях. При текстовых реминисценциях может иметься или отсутствовать разной степени точности отсылка к источнику [Красных 1997: 8].

Исследователи отмечают, что, как правило, автор выносит тот или иной прецедентный феномен в сильную позицию текста. Как особый вид прецедентного феномена выделяют **прецедентное название**. И.В. Высоцкая справедливо замечает, что можно не знать содержание произведения, но знать его название и соотносить с дискурсом [Высоцкая 2013: 120]. Так, например, названия *«Анна Каренина»*, *«Что делать?»* упоминают и те, кто их не чи-

тал, как «символ прецедентного текста» [Захаренко 1997: 86]. Как справедливо отмечает И.В. Захаренко, «символ» – означающее некоторого смысла, он «всегда больше знака», «отличается неисчерпаемой многозначностью своего содержания». Символ, следовательно, может рассматриваться, как специфический фактор социокультурного кодирования информации и одновременно способного служить механизмом передачи этой информации [Захаренко 1997: 87].

Существенным этапом исследования прецедентных имен является обращение к сферам-источникам прецедентности: важно определить, какие именно сферы (религия, фольклор, литература, театр, политика и др.) служат в том или ином социуме основным источником для репертуара прецедентных имен, событий, высказываний и текстов.

Рассмотрение сфер-источников прецедентности может предоставить также интересный материал как для оценки эрудиции, жизненного опыта, политических предпочтений, прагматических установок и речевого мастерства автора, так и для оценки авторского представления об аналогичных качествах адресата [Гудков, Захаренко, Красных, Багаева 1997; Ворожцова 2007; Илюшкина 2005; Косарев 2007; Кушнерук 2004; Нахимова 2004; Семенов 2004; Слышкин 2000; Смулаковская 2003; Солопова 2005; Супрун 1995 и др.].

В качестве источников прецедентности можно представить следующие группы.

1. **Социальная область**, которая подразделяется на такие сферы, как политика, экономика, образование, развлечения, медицина, война, криминал, спорт.

2. **Область искусств**, к которой относятся такие сферы, как литература, театр и кино, изобразительные искусства, музыка, архитектура, мифология и фольклор.

3. **Область науки**, которая включает, в частности, следующие сферы гуманитарных и естественных знаний: математика, физика, химия, биология, история, география, филология.

4. **Область религии**, к которой относятся прецедентные феномены, связанные с религиозными текстами.

Согласно Р.М. Николаеву, культурная память рассматривается и как носитель культурных образов, преданий, символов. Культурная идентичность – это продукт самоидентификации личности: индивид имеет собственное самосознание самого себя, участвует в социальных отношениях и понимает, что обладает особыми качествами, отличающими его от других.

ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ I

Теория прецедентных феноменов зародилась в русле лингвокультурологии, сторонники которой подчёркивают когнитивный характер функционирования прецедентных феноменов, при этом в художественно-поэтическом дискурсе связи между прецедентным феноменом и текстом-реципиентом принимают интертекстуальный характер. Понятие текста является принципиально важным для теории прецедентных феноменов, поскольку любой прецедентный знак или символ прецедентного феномена апеллирует к тексту в самом широком смысле данного слова, независимо от того, вербален или невербален данный текст. Поэтому в нашей работе мы опираемся на семиотический подход к толкованию понятия «текст», рассматривая его как сложную семиотическую систему, основной функцией которой является генерация смыслов. В структурно-семантическом плане прецедентные феномены могут быть представлены однокомпонентными единицами (имена собственные), многокомпонентными единицами (фразеологизмы), а также предикативными или полипредикативными единицами (паремии, цитаты, детские стихи, крылатые слова). В качестве источников прецедентности выступают

мифы, тексты Библии, художественные тексты, детские стихи, тексты в рамках фольклорной традиции, медиатексты.

В фокусе внимания учёных находятся различные уровни и аспекты прецедентности. Исследуются разные типы прецедентных феноменов – **прецедентные тексты, ситуации, имена и высказывания**. В процессе функционирования прецедентные феномены проходят двойную обработку – сначала – автором-интерпретатором, задающим определённую установку восприятия создаваемого текста сквозь призму текста-донора, акцентируя внимание читателя на тех или иных аспектах последнего, затем – читателем, который создаёт в процессе чтения новый текст на основе своих представлений о тексте-первоисточнике и тех установок, которые предлагаются ему автором-интерпретатором.

Различия в алгоритме минимизации явлений действительности в когнитивных базах разных лингвокультурных сообществ приводят к возникновению различий и квазисовпадений в составе формирующих сопоставляемые когнитивные базы единиц.

Будучи постоянно возобновляемыми в речи и реинтерпретируемыми в различных знаковых системах, прецедентные феномены способны играть роль эталонов культуры, функционировать как свёрнутая метафора и выступать в качестве символа какого-либо феномена или ситуации.

В работе исследуются когнитивные механизмы взаимодействия прецедентных феноменов в художественно-поэтическом дискурсе, трансформации, которым подвергаются прецедентные тексты в процессе создания лирического текста, в связи с чем нам представляются существенными такие факторы, как формы существования прецедентных феноменов в когнитивной базе и способы их актуализации в исследуемом дискурсе.

ГЛАВА 2. АНАЛИЗ ПРЕЦЕДЕНТНЫХ ФЕНОМЕНОВ В ДИСКУРСЕ БЕЛГОРОДСКОЙ ПОЭЗИИ

2.1. Краткие сведения о поэзии Белгородчины

Белгородчина литературная... Это понятие вобрало в себя не один десяток имен писателей и деятелей литературы, книги которых стали заметным явлением в культурной жизни Центрального Черноземья и нашей страны в целом. Прежде всего это *В.Ф. Раевский, Н.В. Станкевич, С.Т. Славутинский, А.В. Никитенко*, имена которых прочно вошли в историю отечественной литературы и достаточно широко известны. Заметный вклад в развитие литературы внесли публицист и литературный критик *М.С. Ольминский*, литературовед *В.Е. Евгеньев-Максимов*, писатели *Ф.И. Наседкин, В.И. Федоров, И.Е. Вольнов, Д.И. Крутиков, А.П. Гайдар, Ф.И. Панферов*. Сегодня писатели и поэты Белгородчины продолжают традиции писателей старшего поколения, внося свой вклад в общий литературный процесс.

Уже более 50 лет существует Белгородская областная организация Союза писателей России. Она была создана в декабре 1964 года, десять лет спустя после образования Белгородской области. Сначала это было отделение Союза писателей РСФСР, которое насчитывало в своих рядах пять членов Союза писателей СССР. Это первый в области профессиональный литератор – поэт *Виталий Буханов*, переехавшие в 1959 и 1964 годах в Белгород поэт и прозаик *Николай Краснов*, прозаик *Владимир Жуковский* – первый руководитель писательской организации, принятые в Союз писателей белгородские поэты *Игорь Чернухин* и *Николай Перовский*.

В 1965 году ряды писательской организации пополнились. В Союз писателей были приняты драматурги *Александр Аляутдинов* и *Тамара Макарская*, поэт *Владимир Михалев* и прозаик *Наталья Овчарова*. Сегодня в организации пятьдесят три члена Союза писателей России. Особенно она вы-

росла за последние годы. В числе принятых в Союз писателей России за это время давно известные читателям поэты и прозаики **Владимир Брагин, Леонид Малкин, Алексей Кривцов, Леонид Кузубов, Дмитрий Маматов, Татьяна Олейникова, Александр Машкара, Павел Савин, Николай Грищенко, Станислав Тарасов, Василий Лиманский, Сергей Ташков.**

В рядах профессиональных литераторов свое достойное место занимают и молодые писатели: **Михаил Машкара, Людмила Брагина, Сергей Леонтьев, Михаил Дьяченко, Виктор Римский, Юрий Макаров, Юрий Шумов, Виктор Череватенко, Александр Гирявенко, Михаил Рудаков, Владимир Калуцкий, Виталий Волобуев, Николай Молчан, Валерий Игин, Татьяна Огурцова, Алексей Алексейченко, Вячеслав Колесник, Михаил Кулижников, Жанна Бондаренко, Вера Кобзарь, Юрий Литвинов, Андрей Муренков, Галина Щербинина, Владимир Жуков, Наталья Дроздова.**

В это же время членами Союза писателей России стали старшие собратья по перу: **прозаики Василий Ермоленко, Геннадий Ларкович, Борис Осыков, Евгений Дубравный, поэты Евгений Прасолов и Юрий Шкута.**

По инициативе писательской организации выходят альманахи «Звонница» и «Светоч». При Белгородском отделении Союза писателей России вот уже более четырнадцати лет работает литературная студия «Слово». Из числа студийцев на сегодняшний день девять литераторов – **Ю. Шумов, В. Лиманский, В. Череватенко, Л. Брагина, А. Алексейченко, Т. Огурцова, В. Колесник, В. Игин, М. Кулижников** – стали членами Союза писателей России. В областном центре создано литературное объединение «Младость», которое возглавляет член Союза писателей России, лауреат премии «Молодость Белгородчины», поэтесса **Людмила Брагина.**

В рядах писательской организации сегодня четыре фронтовика, награжденных боевыми орденами и медалями: **Наталья Овчарова, Владислав Шаповалов, Василий Ермоленко и Леонид Кузубов.** Кроме того, в области существует региональное отделение Союза Российских писателей (об-

разошелся одновременно с Союзом писателей России в 1991 году, когда Союз писателей СССР распался на Союз писателей России («патриотической» направленности) и Союз российских писателей («демократической» направленности), которое уже много лет возглавляет поэт и прозаик **Татьяна Лапинская**.

Среди писателей-белгородцев есть лауреаты и дипломанты различных конкурсов, обладатели высоких литературных премий: **Игорь Чернухин, Виктор Белов, Леонид Кузубов, Владислав Шаповалов, Валерий Черкесов**.

Особое место занимает в литературе Белгородчины поэзия не так давно ушедшего от нас большого поэта, Мастера слова **Игоря Андреевича Чернухина**. **Игорь Чернухин** опубликовал более 20 поэтических сборников, а в 2012 году – свою единственную прозаическую книгу «Между прошлым и будущим». В 1967 году **Игорь Чернухин** стал одним из первых белгородцев, закончивших Литературный институт имени Горького. В 34 года после рекомендации поэтов Ярослава Смелякова и Вероники Тушновой он стал членом Союза писателей СССР. Игорь Чернухин был одним из создателей Белгородского отделения союза писателей, основателем молодёжной студии «Современник».

Стихотворения **Игоря Чернухина** публиковались в журналах «Новый мир», «Наш современник», «Юность», «Молодая гвардия» и других. Игоря Андреевича награждали медалью «За доблестный труд. В ознаменование 100-летия со дня рождения Ленина», медалью «За заслуги перед землёй Белгородской» I степени, он был лауреатом II Всероссийской литературно-патриотической премии «Прохоровское поле» и других литературных конкурсов, его имя вписано в энциклопедию «Лучшие люди России».

В.Е. Молчанов с 1992 года работает председателем Белгородского регионального отделения «Союза писателей России». Руководит литературной студией «Слово», помогает молодым авторам. За литературную и общественную работу Владимир Молчанов удостоен почетных званий: «Заслу-

женный работник культуры Российской Федерации», член-корреспондент Академии поэзии (Москва), лауреат Всероссийских литературных премий. Имеет награды, в том числе медаль ордена «За заслуги перед Отечеством» II степени, медаль Русской православной церкви святителя Иннокентия, митрополита Московского и Коломенского, медаль ордена «За заслуги перед Землёй Белгородской» II степени. Является лауреатом Всероссийской премии «Прохоровское поле».

В.К. Харченко – известный в стране и за рубежом ученый, на протяжении 40 лет интенсивно занимающийся исследованием русского языка, поэт. В 2004 году – победитель конкурса на лучшую публичную лекцию в БелГУ, в 2008 – победитель городского конкурса «За чистоту русского языка».

Автор 550 опубликованных работ, в том числе монографий, словарей, учебных пособий, составитель баз данных. За «Словарь богатств русского языка» (2003) **В.К. Харченко** награждена медалью «Участник ВВЦ (ВДНХ)».

Автор нескольких поэтических сборников, участница Международного фестиваля поэзии в г. Ополе (2010), дипломант международного конкурса на лучшее стихотворение о переводчиках и переводе (2013 г.). Вера Константиновна в своих поэтических сборниках рассказывает об основах стихосложения, ответила рассуждает над тем, как и почему пишут стихи.

Активно участвуют в конкурсах и более молодые авторы. Так, член Союза российских писателей, филолог-русист **Лана Яснова** является финалистом премии «Поэт года-2014» (Москва), лауреатом поэтического конкурса им. И. Григорьева (СПб, 2015) и серебряным призёром VII Международном поэтическом конкурсе «Союзники» (Высшая лига); неоднократно побеждал в различных конкурсах член Союза российских писателей, поэт и прозаик **Александр Оберемок**.

В целом, белгородская литература занимает видное место в современной отечественной литературе. Доказательством этому стала научная конференция «Современная литература Белгородчины», которая проводится с 2008

года в Белгородской государственной универсальной научной библиотеке по инициативе управления культуры Белгородской области, регионального отделения Союза писателей России. В форуме принимают участие белгородские писатели, ученые-филологи, преподаватели и студенты вузов Белгорода, ведущие специалисты библиотек области. Научная конференция стала завершающим этапом в проведении традиционных Дней литературы на Белгородчине, цель которых – популяризация чтения и привлечение внимания к творчеству белгородских писателей. Устойчивые, многоаспектные связи человека и литературы, рожденной на родной земле, позволили актуализировать роль литературы Белгородчины в развитии культуры региона и России в целом, выявить её типические и специфические черты.

2.2. Прецедентные феномены в белгородской поэзии.

Тематические группы прецедентных феноменов

При исследовании прецедентности очень важно определить, какие именно сферы (религия, фольклор, литература, политика и др.) служат основным источником для репертуара прецедентных имен, событий, высказываний и текстов. Рассмотрение сфер-источников прецедентности может предоставить также интересный материал как для оценки эрудиции, жизненного опыта, речевого мастерства автора, так и для оценки авторского представления об аналогичных качествах адресата [Гудков, Захаренко, Красных, Багаева 1997; Ворожцова 2007; Илюшкина 2005; Косарев 2007; Кушнерук 2004; Нахимова 2004; Семенец 2004; Слышкин 2000; Смулаковская 2003; Солопова 2005; Супрун 1995 и др.].

Контекстный анализ белгородской поэзии позволяет отметить такие сферы-источники прецедентных феноменов, как *литература, массовая культура, религия, фольклор, история*. На следующем этапе исследования рассмотрим особенности развертывания в тексте прецедентных феноменов,

восходящих к одной смысловой сфере-источнику. В подобных случаях нередко обнаруживается своеобразное **поле прецедентных феноменов**, в составе которого выделяется целая система прецедентных имен, событий, высказываний и текстов.

Во многих случаях в составе того или иного ментального поля-источника можно выделить своего рода подполя, группы и иные подобные единицы. Типы (по классификации Д. Б. Гудкова, В. В. Красных, И. В. Захаренко и Д. В. Багаевой) прецедентных феноменов, относящихся к данному ментальному полю (прецедентные имена, ситуации, высказывания и тексты).

Литература Белгородчины, представленная множеством ярких индивидуальностей, сегодня отражает неповторимую историю и культуру Белгородского края, важные человеческие ценности в системе «человек – природа – общество», многогранно воплощенные в литературных текстах, посредством которых осуществляется переосмысление всего достигнутого человечеством, и становится значимым явлением. Белгородская поэзия достаточно богата межтекстовыми связями, что репрезентируется в первую очередь через систему прецедентных высказываний (цитаций и квазицитаций), имен и именованных.

Поскольку прецедентный текст является основой для построения реминисценций, то и классификация последних (как и прецедентов) основана на соотнесении с тем или иным текстом-первоисточником. В белгородской поэзии можно говорить о сложных видах интертекстуальности, то есть о таких, когда автор дает отсылку к нескольким авторам из разных литературных эпох, предшествующих созданию его произведения.

1. К сфере-источнику **«Религия»** относится цитация и квазицитация Библии, упоминание Иисуса Христа, Дьявола (Сатаны), Апокалипсиса, Иоанна Крестителя, Матери Божией, Нового Завета, Адама, Вавилона, библейских легенд.

Матф.27:45,46	Н. Дроздова «Поэма об отце»
«От шестого же часа тьма была по всей земле до часа девятого; а около девятого часа возопил Иисус громким голосом: Или, Или! лама савахфани? то есть: Боже Мой, Боже Мой! для чего Ты Меня оставил?»	Куда, куда мне от моей земли бежать, скакать, лететь? Или! Или-и-и...

В момент Искупления Спаситель, взявший на себя грехи мира, произносит эти слова от лица всего человечества. Так изъясняют эти строки слушатели церкви. В тексте Натальи Дроздовой встречается прецедентное междометное высказывание **Боже мой**, которое повторяется автором несколько раз. Такой повтор обеспечивает содержательную и грамматическую связность фрагмента. В подобных примерах прецедентное именование выполняет роль смысловых вех информационного пространства текста с явным «соприсутствием» в одном тексте двух.

В коммуникативном сознании **Вифлеем** – «древний город», «место рождения царя Давида и Иисуса Христа». Определение *седой* подчеркивает древность, значимость, величайшую мудрость этого города.

И.А. Бунин Тень птицы	Лана Яснова Власть строки
<i>В Вифлееме, в подземном приделе, Храм Рождества, блещет среди мраморного пола, неровного от времени, большая серебряная звезда.</i>	<i>...Память прячет себя по укромным расщелинам, как пещерную тайну – седой Вифлеем...</i>

Традиционно в русской поэзии (строки белгородских авторов не исключение) используется ряд прецедентных имен, важных для русского ментального сознания. Речь идет о ключевых понятиях культуры. В их числе топонимы, восходящие к библейским легендам, мифам античности (**Иерусалим, Арарат, Назарет, Вифлеем, пещера Рождества**). Это величайшие культурные символы:

И. Бродский Письма к стене	Лана Яснова
<i>... Обращаюсь к стене, в темноте напряженно дыша....</i>	<i>Поговори со стеной, но не там, где шумит Ершалаим, где усмиряется плач и становится легче от слез.</i>

Иерусалим в сознании мирового лингвокультурного сообщества – главный священный город христиан, центр христианского богослужения. Автор обращается к стене, которая ассоциативно связана с Иерусалимской стеной плача и со стеной, к которой обращается лирический герой стихотворения И. Бродского «Письма к стене»:

Перед нами – прецедентное высказывание. В то же время в данном случае прецедентность топонима находит свое обоснование и в ассоциативной связи с *Ершалаимом* как местом действия одной из сюжетных линий романа М.А. Булгакова «Мастер и Маргарита» (не случайно автор использует не общеизвестное наименование города *Иерусалим*, а булгаковский *Ершалаим*).

2. К сфере-источнику «**Литература**» относятся прецедентные высказывания, прецедентные тексты, прецедентные ситуации, прецедентные имена – фамилии писателей, героев, названия литературных произведений, квазицитация – воспроизведение языковой личностью части текста или всего текста в своём дискурсе в умышленно изменённом виде. Достаточно большое количество прецедентных феноменов со сферой-источником «**Литература**» свидетельствует об особенной значимости для представителей русского лингвокультурного сообщества этой сферы, ибо русская культура характеризуется постоянным обращением русского человека в разнообразных видах дискурса к литературным источникам с целью анализа и оценки различных явлений реальной действительности. Данные анализ и оценка оказываются возможными потому, что литературное произведение – это «вместилище» определенного круга чувств и мыслей, принадлежащих автору.

Первый вид поэтической интертекстуальности, встречающийся у белгородских авторов, – цитаты из других произведений. Такой вид цитирования достаточно часто встречается в эпитафиях. «Эпитафия вступает в диалог с последующим текстом и выполняет двойное (противоположное) назначение: он либо точно ориентирует читателя на задуманное автором понимание смысла стихотворения (выражает его ведущую мысль), либо, напротив, опровергается или иронически переосмысливается в нём» [Ахманова 2012:37].

И.А. Чернухин в своей поэтической диалогии «Половецкое поле» использует цитату из памятника древнерусской литературы «Слово о полку Игореве»

*Изострил он мужеством сердце.
Ратным духом исполнился
И навёл храбрые полки свои
На землю Половецкую за землю Русскую.*

Цитирование «Слова...» сразу дает нам отсылку к историческим событиям феодальной раздробленности на Руси, в жестоких условиях которой новгород-северский князь Игорь с дружиной в 1185 году совершил свой подвиг, первым из русских князей выступив против половцев. Эпитафия подчеркивает литературные параллели с сюжетными линиями памятника древнерусской литературы «Слова о полку Игореве». Кроме того, эпитафия определяет основную мысль обоих стихотворений, становится их идейным стержнем, отражает авторскую позицию по отношению к лирическому герою и изображаемым событиям.

Таким образом, очевидно, что роль эпитафии как интертекстуального элемента в поэзии И.А. Чернухина очень велика. Он фактически определяет тон стихотворения, задает его тематику: даже не читая стихотворения, а лишь посмотрев на его заглавие и эпитафию, мы можем сказать, что речь пойдет о героической странице истории Древней Руси.

И. Суриков «Вот моя деревня»	Н. Дроздова «Поэма об отце»
<i>Вот моя деревня; Вот мой дом родной; Вот качусь я в санках По горе крутой...</i>	<i>Вот моя деревня. Где ж моя родня? Что же не встречает у ворот меня...</i>

Концепт ДОМ/МАЛАЯ РОДИНА, реализуемый прецедентным именованием «**Вот моя деревня...**», является одним из ведущих в творчестве белгородских поэтов и представляет собой одну из центральных «семантических сфер» в индивидуально-авторском стиле писателей. Репрезентация концепта в тексте-источнике последовательно отражает несколько признаков (смысловых планов): семья, родной дом, положительное отношение к родным местам, кровно-родственным «корням», к близким людям, к знакомым с детства обычаям и традициям, «тоска по родине», чувство глубокой сердечной привязанности к Родине. Названные смысловые планы, взаимодействуя, создают поэтическую картину мира, соответствующую мировосприятию автора, его видению того, как устроена та часть пространства, которая называется ДОМОМ, МАЛОЙ РОДИНОЙ.

Художественное пространство «Поэмы об отце» характеризуется отсутствием границ между домом и душевным миром поэта. ДОМ/МАЛАЯ РОДИНА предстает не только в значении «жилище; жилое помещение; жилье», но и «семья, люди, живущие вместе». Текст-реципиент Натальи Дроздовой трансформирует текст-источник, поскольку в нем целенаправленно разрушается первичная смысловая система устойчивых ассоциаций: радостному детству в ДОМЕ И. Сурикова Наталья Дроздова противопоставляет ДОМУ, где нет близких, где тебя не ждут.

В.Кичигина	Ф.М. Достоевский
<i>Не каприз, а необходимость Для живущих на дне колодца В строчках,</i>	<i>«Правда, князь, что вы раз говорили, что мир спасет «красота»? Господа,</i>

полных любви, отразилась: **"Красота, тобой мир спасётся!.."**

— закричал он, громко всем, — князь утверждает, что **мир спасет красота!** А я утверждаю, что у него оттого такие игривые мысли, что он теперь влюблен. Господа, князь влюблен; давеча, только что он вошел, я в этом убедился. Не краснейте, князь, мне вас жалко станет. **Какая красота спасет мир.** Мне это Коля пересказал... Вы ревностный христианин? Коля говорит, что вы сами себя называете христианином.

В предложенных строках наблюдаем прецедентное высказывание **красота спасет мир**.

В романе Ф.М. Достоевского «Идиот» (ч. 3, гл. V) эти слова произносит 18-летний юноша Ипполит Терентьев, ссылаясь на переданные ему Николаем Иволгиным слова князя Мышкина. Герой иронизирует над последним. Писатель в своем толковании красоты выступает единомышленником немецкого философа Иммануила Канта (1724—1804), говорившего о «нравственном законе внутри нас», о том, что «прекрасное — это символ морального добра». Эту же мысль Ф. М. Достоевский развивает и в других своих произведениях. Так, если в романе «Идиот» он пишет, что **мир красота спасет**, то в романе «Бесы» (1872) логически заключает, что «некрасивость (злоба, равнодушие, эгоизм) убьет...». В другой части романа во время встречи князя с Аглаей та говорит ему, как бы предупреждая: «Слушайте, раз навсегда, если вы заговорите о чем-нибудь вроде смертной казни, или об экономическом состоянии России, или о том, что **"мир спасет красота"**, то... я, конечно, порадуюсь и посмеюсь очень, но... предупреждаю вас заранее: не ка-

житесь мне потом на глаза! Слышите: я серьезно говорю! На этот раз я уж серьезно говорю!»

<p>Б. Окуджава «На фоне Пушкина снимается семейство»</p> <p><i>Все счета кончены, и кончены все споры.</i></p> <p><i>Тверская улица течет, куда не знает...</i></p> <p><i>Мы будем счастливы – благодаренье снимку!</i></p> <p><i>Пусть жизнь короткая проносится и тает.</i></p>	<p>Н. Дроздова «Поэма об отце»</p> <p><i>Тверская улица течёт, куда не знает.</i></p> <p><i>Но знаем мы, куда течёт она.</i></p> <p><i>Глаза ясны и помыслы чисты.</i></p> <p><i>В делах ли, в спешке, в праздной ли прогулке</i></p> <p><i>куда ей течь, коль в каждом переулке</i></p> <p><i>церквушек золочёные кресты?</i></p>
---	--

Концепт ДОРОГА/ПУТЬ, реализуемый в данных строках, значим в русской языковой картине мира. При этом в тексте-источнике и тексте-реципиенте использован прецедентный урбаноним (наименование городского объекта) **Тверская улица** (улица возникла как дорога в Тверь). Тверская имеет очень богатую историю, по некоторым сведениям, дорога на Тверь существовала здесь уже в XII веке. С конца XV века эта дорога также связывала Москву и Новгород, от нее можно легко дойти до всех самых примечательных частей центра. На протяжении всей истории здесь проживало множество известных деятелей в области литературы, искусства и политики. Если Вы останавливаетесь в Москве, то **Тверская улица** станет тем местом, которое Вы вряд ли пропустите.

Напомним, что прецедентный топоним весьма часто используется в художественной речи, достаточно вспомнить строки Б.Ахмадулиной, И.А. Бунина, А.С. Пушкина, Б. Окуджавы и мн.др.

Известно, что ДОРОГА играет важную роль в поэзии. Нет ни одного великого, значимого русского поэта, у которого концепция пути не была бы средством выражения авторского сознания, его творческой индивидуальности.

сти – достаточно вспомнить строки А.С. Пушкина, М.Ю. Лермонтова, Н.А. Некрасова, А. Блока, С.А. Есенина, А.Т. Твардовского и др. ДОРОГА – развитие жизни, непрерывная последовательность состояний, причем каждое состояние предсказывает последующее. «С дорогой связаны скитания, поиски судьбы, счастья, дорога – это фантом, держащий нас в плену часто бессмысленного движения, не дающий перейти к разумной стабильности жизни» [Перкас 1980: 30].

В художественно-поэтическом дискурсе Натальи Дроздовой, на наш взгляд, концепт ДОРОГА отражает несколько смысловых планов: бегство от самого себя, нравственные искания смысла жизни, себя, веры, любви, преодоление препятствий, путь к дому, который ассоциируется с обретением духовных ценностей, наконец, это путь туда, где в *«каждом переулке церквушек золочёные кресты»*.

Тема дороги присутствует в поэме «Половецкое поле» И.А. Чернухина. Литературные реминисценции мы можем видеть в образах коня у А. Блока и И.А. Чернухина.

Александр Блок На поле Куликовом	И.А. Чернухин «Половецкое поле»
Ты сошла, в одежде свет струящей, Не спугнув коня	Не спал Кончак... и молча половчане Седлали настороженных коней

Как у А.А. Блока, так и у И.А. Чернухина образ коня – чуткого животного, чувствующего малейшую опасность, – неразрывно связан с тревогой, страхом, чувством неуверенности и неуютности захватчиков на русской земле. Это еще раз подчеркивает прочные литературные связи и преемственность поэзии первой половины XX века и рубежа XX – XXI веков.

Александр Блок На поле Куликовом	И.А. Чернухин «Половецкое поле»
За Непрядвой лебеди кричали,	Всю ночь за Ворсклой

И опять, опять они кричат... Слышал я Твой голос сердцем вещим В криках лебедей	лебеди кричали... И лебеди тревожные кричали. Не знал Кончак (и не его вина!). Что Русь на этом поле не кончалась, А только начиналась здесь она
--	---

В приведенных строках связующим звеном является образ лебедей и лебединый крик. Этот мотив тревожности, грусти, скорби (неслучайно мы можем рассматривать метафору «**лебеди кричали**» в обоих случаях как стилистический вариант метафоры «**лебединая песня**» – нечто прекрасное, но прощальное, а потому печальное) неоднократно повторяется, сквозным мотивом проходит в стихотворениях обоих авторов, акцентируя внимание читателя на настроениях в неприятельском стане.

В следующих поэтических строках наблюдаем прецедентный топоним (**Волга**) и прецедентную ситуацию (**бурлаки на Волге**).

Н. Некрасов	В.Молчанов «Рыцарский стих...»
О Волга! после многих лет Я вновь принес тебе привет... К ногам, обвитым бечевою, Обутым в лапти, вдоль реки, Ползли гурьбою бурлаки...	О Волга, России знаменье Сегодня, вчера и всегда Развеет ночные сомненья Твоя заревая вода... Идут по реке теплоходы Сегодняшних дней бурлаки.

Волга — широкая дорога российской государственности, над которой шумели эпохи княжеских междоусобиц и феодальной разобщенности, борьбы с иноземными захватчиками и объединения волжских земель под эгидой русского царя. Все видела **Волга**, все пережила, все почувствовала. Она укрепляла патриотический дух достойных сыновей и поднимала могучие таланты на служение всей России. С ее берегов и с ее благословения в нашу историю, шагнули предводители волжской вольницы Разин и Пугачев. Ей обязаны *Радищев, Карамзин, Чернышевский, Добролюбов, Островский, Некрасов*

сов, Гончаров, Салтыков-Щедрин, Алексей Толстой, Горький, Федин, Лобачевский, Ушинский, Яблочков, Вавилов. А сколько с **Волгой** связано имен полководцев, певцов, художников, музыкантов, политических деятелей! *Пожарский, Шаяпин, Репин, Саврасов, Левитан, Ляпунов, Свердлов, Куйбышев, Чапаев, Панфилов, Клочков-Диев, Русланова, Петров-Водкин, Зыкина, Лемешев...*

А.С. Пушкин «Руслан и Людмила»	Н. Дроздова «Поэма об отце»
<i>Фарлаф, крикун надменный, В пирах никем не побежденный, Но воин скромный средь мечей...</i>	<i>И стал он что Фарлаф перед Людмилой спящей – завоеватель, да не настоящий! Ведь любящих не разлучить сердец.</i>

В следующих строках автор отсылает нас к фрагменту из поэмы А.С. Пушкина «Руслан и Людмила», используя для характеристики Наполеона Бонапарта метафорическое употребление прецедентного поэтонима **Фарлаф** как символа воина не настоящего, бежавшего с поля боя (завоеватель, да не настоящий), что демонстрирует совпадение понимания прецедентных поэтонимов в тексте-источнике и тексте-реципиенте.

Мотивная реминисценция наблюдается в изображении противостояния русских и вражеских войск.

А. Блок	И.А.Чернухин
<i>А над Русью тихие зарницы Князя стерегли. Орлиный клёкот над татарским станом Угрожал бедой.</i>	<i>Впервые князь навёл свои дружины На край Руси, где ветер да ковыли. Впервые хан, не ведавший кручины, Почуял – дни раздольные прошли.</i>

У обоих авторов дана установка на победу русских войск, что также тематически связывает произведения А.А. Блока и И.А. Чернухина.

В следующих строках Н. Дроздовой отражена прецедентная ситуация и прецедентные имена.

М.Ю. Лермонтов Бородино	Н. Дроздова «Поэма об отце»
<p>«Скажи-ка, дядя, ведь не даром Москва, спаленная пожаром, Фран- цузу отдана? Ведь были ж схватки боевые? Да, говорят, еще какие! Не даром помнит вся Россия Про день Бородина!»</p> <p>И только небо засветилось, Всё шумно вдруг зашевелилось, Сверкнул за строем строй. Полковник наш рожден был хватом: Слуга царю, отец солдатам...</p>	<p>В Москве пожар, расстроенность, разор.</p> <p>Как бесприданница пред сластолюб- цем, сникла пред Бонапартом уж она...</p> <p>Тут и возникла, плывя сквозь дым и гарь от Воробьёвых гор, нечаянная рать в таинственном све- ченьи.</p> <p>Но кто ведёт её?</p> <p>Узрел Наполеон вождя седого в чёрном облаченьи и крест в руке его. –</p>

Для русского национального сознания битва на Бородинском поле давно уже стала символом великой победы над армией Наполеона. Поэтому закономерно, что именно в этом смысле прецедентный топоним **Бородино** используется в современных поэтических текстах. Система прецедентных имёнований – **слуга царю, отец солдатам, седой вождь, Бонапарт, Наполеон, Москва, Бородино** – чаще всего образно обозначает решающее военную битву. В национальной памяти русского народа присутствует прецедентная ситуация «Потеря Москвы как средство достижения победы». Как известно, фельдмаршал **Кутузов** в самый сложный момент кампании против Наполеона принял решение сохранить армию, пожертвовав при этом столицей. Это позволило в дальнейшем не только вернуть свою столицу, но дойти с боями до Парижа. Соответствующие аллюзии наблюдаем в современных поэтических текстах, связанных с военными действиями.

3. К сфере-источнику «**Фольклор**» относятся пословицы, поговорки, афоризмы, устойчивые сочетания слов (в том числе и трансформированные), сказки, русские народные песни. Среди прецедентных феноменов можно выделить группу инокультурных прецедентов.

Например, в поэтических строках В. Кичигиной встречаем поговорку «**в тесноте, зато не жутко**» (**в тесноте, да не в обиде**), имеющую значение «небольшое неудобство для всех будет лучше, чем более серьезная проблема только у одного, о взаимовыручке» .

Поэтические строки А. Оберемок содержат устойчивые обороты, различные по своему происхождению.

*Когда неуёмная **вита** совсем не **дольче**, В какие одежды её ты ни облачай... И вот, у судьбы заблудившийся под ногами, Ты смотришь наверх, на источник твоих обид... А небо с овчинку. И валится **шерсть клоками** С **паршивой овцы**. И не тает. Летит. Летит.*

Dolce vita — итальянский фразеологизм. Означает «сладкая жизнь», «не жизнь, а малина!», встречается в названиях песен, сборников, фильмов, мультфильмов. **С паршивой овцы хоть шерсти клок** — хоть что-нибудь // Человеку рабочему **клок**. С. А. Есенин, «Страна негодяев», 1922—1923 г. Мы платим немчишкам, и всё — законно! — Давай, Таткин, давай! — послышались ободряющие голоса. — **С паршивой овцы хоть шерсти клок!** Они у нас, гады, без денег все брали, а мы как-никак по совести...

Ю. Бондарев, «Берег», 1975 г.

В следующих строках того же поэта наблюдаем контаминацию устойчивых оборотов.

*Я видел **истину в вине**, Она в глаза смотрела мне Змейй, и так хотелось тихо лечь На дно, где молча, одному, Забыться и прийти к тому, **Что жизнь - игра, не стоящая свеч**.*

In vino veritas, in aqua sanitas (с лат.—«Истина — в вине, здоровье — в воде») — латинское выражение, имеющее также греческий вариант "Ἐν οἴνῳ ἀλήθεια ... " с тем же значением. Автором является Плиний Старший, а фраза на греческом приписывается Алкею.

Конечно, первые ассоциации, которые возникают при прочтении фразы — «**Что наша жизнь? Игра!**» — у любого российского телезрителя — это известная интеллектуальная игра "Что? Где? Когда?" и имя одного из её ведущих — Владимира Ворошилова. Однако эти слова принадлежат Модесту Ильичу Чайковскому — автору либретто оперы Петра Ильича Чайковского "Пиковая дама", а это строка (3-й акт, 7-я картина, начало) арии Германа из данной оперы. **Игра не стоит свеч**. Устойчивый оборот означает, что затраченные на что-либо средства или усилия не оправдываются полученным результатом. Поэтические строки содержат контаминацию устойчивых оборотов (*Что жизнь - игра, не стоящая свеч*).

В следующих строках использована реминисценция русской народной песни:

Русская народная песня	Н. Дроздова «Поэма об отце»
<i>Ой, мороз, мороз, не морозь меня, Не морозь меня моего коня...</i>	<i>Ой, мороз-морозко, вымости мне путь хоть куда-нибудь.</i>

Концепт ДОРОГА/ПУТЬ, реализуемый в данных строках, значим в русской языковой картине мира. Известно, что ДОРОГА играет важную роль в поэзии. «С дорогой связаны скитания, поиски судьбы, счастья, дорога – это фантом, держащий нас в плену часто бессмысленного движения, не дающий перейти к разумной стабильности жизни» [Перкас 1980: 30].

В художественно-поэтическом дискурсе Натальи Дроздовой, на наш взгляд, концепт ДОРОГА отражает несколько смысловых планов: бегство от самого себя, нравственные искания смысла жизни, себя, веры, любви, преодоление препятствий, путь к дому, который ассоциируется с обретением ду-

ховных ценностей, наконец, это путь туда, где в *«каждом переулке церквушек золочёные кресты»*.

3. Источник прецедентности **«Массовая культура»** у белгородских авторов представлен прецедентными высказываниями.

В. Кичигина в стихотворении «Не задержится свет в зеркалах» в качестве эпиграфа использует цитату из известного фильма Григория Горина. Этой несколько измененной строкой автор завершает поэтический текст.

Григорий Горин. Тот самый Мюнхгаузен	В. Кичигина
Господи, как умирать надоело!..	Синий воздух на том берегу Манит праной. Но мне что за дело - Я, не чувствуя, жить не могу. Боже, как умирать надоело!..

Эпиграф вступает в диалог с последующим текстом и выполняет точно ориентирует читателя на задуманное автором понимание смысла стихотворения (выражает его ведущую мысль). Кроме того, эпиграф определяет основную мысль обоих стихотворений, становится их идейным стержнем, отражает авторскую позицию по отношению к изображаемым событиям.

«Кавказская пленница, или Новые приключения Шурика» (Л. Гайдай)	В. Молчанов
<i>Спортсменка, комсомолка и просто красавица!</i>	<i>Пионерка! Комсомолка! И спортсменка! (Как в кино). Что стрелять, что на ратирах — Ей, ребята, все равно!</i>

Студентка, комсомолка, спортсменка — крылатая фраза из советской комедии Леонида Гайдая «Кавказская пленница, или Новые приключения Шурика». Впервые сказана товарищем Сааховым о девушке Нине во

время торжественного мероприятия. Прецедентное высказывание используется как юмористическая характеристика образцовой девушки.

Так, например, представления, стоящие за фраземой *бандитский Петербург*, в сознании русского лингвокультурного сообщества – это события известного телесериала (*место – события*), что подчеркивается автором текста-реципиента лексическими средствами:

*И не предвидит кинодраматург,
что где-нибудь за Невскою заставой
появится «бандитский Петербург»... (Лана Яснова).*

Прецедентные имена и именованья способны выступать как средство объединения и организации текста, их использование способствует привлечению внимания читателя (слушателя) к форме текста, снижению напряженности общения и делает диалог с читателем менее формальным.

4. К прецедентным феноменам со сферой-источником «**История**» относится наибольшее количество прецедентных феноменов: прецедентные имена, трансформированные высказывания. Столь значительное число прецедентных феноменов с данной сферой-источником, видимо, объясняется тем, что интерес к прошлому как далёкому, так и не столь отдалённому способен объединить народ и дать ему надежду, что всё страшное преодолимо.

Отличительной особенностью функционирования прецедентных имен является их способность употребляться в качестве символа, культурного знака:

*На Куликовом поле снова
Конь у реки призывно ржал.
От взгляда Дмитрия Донского
Мороз по коже пробежал. (И. Чернухин)*

В этом случае при использовании происходит обращение к дифференциальным признакам этого имени, составляющим ядро инварианта восприятия прецедентного имени, при таком функционировании прецедентного име-

ни не требуются какие-либо комментарии или расшифровка как самого имени, так и ситуации или текста, признак отделяется от своего референта, сам культурный знак оказывается самодостаточным, чтобы выразить гораздо большее, чем очевидное значение знака.

Личные имена собственные также использованы как прецедентные феномены в следующих случаях:

*Если сын уезжает, меняется зона ночлега,
Словно кошка, свернувшись клубком, грею место, где спал хозяин,
Так костер стерегли. Так, наверное, ждали **Олега**,
Святополка, Мстислава...измененный семейный дизайн.*

(В.К. Харченко).

В период своей прецедентности эти тексты обладают ценностной значимостью, а основанные на них реминисценции часто используются в дискурсе данного отрезка времени.

В белгородской поэзии наблюдаем различные случаи употребления прецедентных имен и именованных, при чем отметим нередкое их использование в сильной позиции (эпиграф, первая и последняя фразы текста и др.), разнообразие прецедентных феноменов по видам, сферам-источникам, по форме представления и иным признакам, рассредоточенность прецедентных феноменов, то есть их присутствие в различных частях текста, взаимодействие с иными образными средствами (метафорическое употребление, антитеза, аллюзия, и др.). Таким образом, чем больше внутритекстовых и экстралингвистических связей удастся установить и обосновать, тем глубже понимание исследуемого текста, и «именно в этом ключе может быть наиболее адекватно «прочитана» индивидуально-авторская картина мира» [Караулов 1987: 69].

При этом общим признаком прецедентных включений является узнаваемость и отсутствие необходимости ссылки на текст или авторов: текст

может выступать как эталон, однако основным его свойством всегда остается именно узнаваемость.

2.3. Прецедентность как репрезентация концептосферы поэта (прецедентный мир И.А. Чернухина)

В творчестве поэтов Белгородчины особое место отводится нашему краю. В общем смысловом объеме исследованного материала, опубликованного за последние десятилетия, отражены обычные общечеловеческие мысли, идеи. Понятие Родины и родной природы у большей части поэтов Черноземья связано с Россией, причем здесь темпоральные характеристики у всех авторов приблизительно одинаковые.

Поэтическая картина мира И. Чернухина не мыслится вне родной природы. Один из важнейших аспектов исследования прецедентности – выявление и описание смысловых пластов культурно-исторического концепта «РОДИНА/МАЛАЯ РОДИНА», проведение концептуального анализа языковых средств лексико-семантического поля «РОДИНА/МАЛАЯ РОДИНА».

В лингвистических работах последних десятилетий индивидуальный стиль художника слова изучается с учетом соотношения языка и мышления, способов выражения в языке внеязыковой действительности, знаний о мире, законов организации языковой картины мира. Приоритетным для современных лингвистических исследований является функциональный подход, изучающий язык в действии и в своей основе ориентированный на языковую личность. На этом стыке проблем одной из актуальных является лексическое проявление культурных концептов, базовых понятий культуры общества, его духовной жизни. Термин концепт в последние десятилетия XX в. стал широко использоваться в лингвистической литературе и оказался одним из ключевых понятий современной лингвистики [Карасик 2007; Попова 2007; Степанов 2004 и др.].

Содержание концептов, свойственных тому или иному художнику слова, определяется особенностями его авторской модальности, художественно-образного мировосприятия и индивидуально-авторской картины мира. Конкретное смысловое наполнение определенного художественного концепта может быть выявлено «в результате анализа лексико-семантической системы индивидуального стиля художника слова и составляющих ее лексико-семантических полей» [Данскова 2000: 30]. Концепт «РОДИНА/МАЛАЯ РОДИНА» занимает доминирующее положение в белгородской поэзии, как и в общерусской культуре, является ключевым в русском национальном сознании.

Анализ понятийной составляющей концепта РОДИНА на базе лексико-графических источников позволил выделить в ней следующие основные, или ядерные, признаки: 1. Родина – «мать»; 2. Родина – «земля, край отцов, где живут близкие»; 3. Родина – «государство, в котором человек родился»; 4. Родина – «отечество, отчизна, государство, гражданином которого состоит». Ключевым именем концепта является лексема *Родина*. Каждый из смыслов репрезентируется в поэме И.А. Чернухина БЕЛ-ГОРОД, при этом слова *Русь*, *Белгород* являются доминантными в синонимических рядах – *Белгород*, *Белый город*, *Белгородчина*, *Русь*; *святая Русь*, *Матушка-Русь*

Актуализация концепта РОДИНА/ МАЛАЯ РОДИНА в дискурсе поэмы происходит путем наименования объекта – *Родины – матери*:

...**Мать-Рассеюшка** -

Судьба

С горем и обманом...

Белый город,

вы края,

Что меня растили,

Вы учили петь меня

И любить **Россию.**

Упоминание объекта как «земля, край отцов, где живут близкие» вербализуется через словосочетания – *родной край, земля, родной домишко, родное селение.*

*Оглянулся мужик,
Посмотрел рассеянно
На родной домишко,
На родное селение.*

При номинации объекта – «большой Родины» происходит отождествление Родины с «государством, в котором человек родился», «отечеством, отчизной, государством, гражданином которого состоит» при этом используются прецедентные топонимы – *Россия, Русь, Родина, Рассеюшка.*

*Велика Рассеюшка,
Велика святая...
Вольный город –
твой и мой
Город русской славы.
И стоять ему века
Молодым и сильным...
Быть и быть ему, пока
Есть
Земля – **РОССИЯ!***

Анализируя периферийные признаки репрезентации концепта «РОДИНА/МАЛАЯ РОДИНА», опираемся на методику выявления признаков, выявленную Г. Воркачевым [Воркачев 2004:26] и выделяем три дополнительных (периферийных) кластера: 1) историко-географический; 2) эмоционально-ценностный; 3) императивный. Речь идет о специфических языковых средствах, репрезентирующих концепт «РОДИНА/МАЛАЯ РОДИНА» в русской языковой картине мира. Анализ фрагмента языковой картины мира на основе поэмы позволяет выявить периферийные признаки концепта

»РОДИНА/МАЛАЯ РОДИНА», которые отражают особенности формирования ценностной картины мира в сознании русской ментальности.

В поэме И.А. Чернухина БЕЛ-ГОРОД историко-географический кластер включает в себя прежде всего природно-ландшафтные признаки: *горы, кручи, леса, камышовые заросли, камыш, край степей, двор, синие леса, черные погосты, небо, просторы, теплые края, край, дерево, мел, поместья, города, земля, травы, степь, березы, меловые горы, дорога, гром, горькая трава, степное раздолье, свет зари, поле, раздолье, солнце, журавли, журавлиный крик.*

*Ишь, по пояс **трав**...*

И нигде ни души.

*Ну **края так края!***

*Все **краям**...*

Хороши!

*Не за **белыми** ль **горами**,*

***Меловыми кручами**,*

*Там, где **солнце над лесами**,*

Песня моя лучшая?

Отметим, что упоминание различных природных явлений и ландшафтных особенностей формирует представление о родине как о пространстве, территории, богатой своими природными особенностями.

Особую значимость в поэме приобретают пространственно-временные признаки, которые вербализуются через противопоставления (*Великая Русь – город*):

Белый город,

*вы **края**,*

*Что меня **растили**,*

*Вы учили **петь** меня*

*И любить **Россию**.*

Особую значимость приобретают географические места, которые актуализируются через топонимические признаки. И.А. Чернухин упоминают топонимы в качестве места развертывания действия и представляют название той местности, природу которой они описывают, и чаще всего они являются названиями сел, городов, географических объектов Белгородской области. Кроме того, некоторые названия, которые исчезли из повседневного употребления, сохранены именно в поэтических строках. Местные топонимы помогают более конкретно создать зарисовку географической среды и отчасти проливают свет на историю развития селений, на их естественно-географические и культурно-исторические особенности, причем степень авторской привязанности оказывается очевидной и поэтически весомой: *Белгород, Россия, Москва, Донец, Пушкарное, Казацкое, Стрелецкое:*

Двор к двору...

И названье селу

Так по службе своей и дает.

*Вот и встало **Пушкарное** там,*

*Здесь **Казацкое***

*Да **Стрелецкое**...*

*Обживает **Московье** места...*

Особый интерес представляют номинативные варианты, различные по структуре (монологемные, бинарные, многокомпонентные), содержащие в себе богатый объем лингвистической информации. В таких наименованиях отражены история географического объекта, его величие и значимость, авторское отношение, оценка, мощь изображаемого географического объекта, роль географического объекта в развитии культуры и жизни нации в целом.

РУСЬ – Россия, великая Русь, Русь Святая, святая земля, Рассея, Рассеюшка, российские версты.

БЕЛГОРОД – Белый город, Бел-город, Белгородчина, Белогорие, Белый град, Белгородская черта.

В репрезентации исторической судьбы родины участвуют исторические признаки, которые актуализируются через устаревшие формы и лексемы, старославянизмы: *мякинушка, боярин, царь-государь, скоморохи, звонарь-бунтарь, Московия, знамо дело, почто, барские поместья, град, молодчики:*

*Оглянулся мужик,
Посмотрел рассеянно
На родной домишко,
На родное селение.
Рукавом **армяка** глаза протер*

История многокультурной общности россиян и единство народов России репрезентируется демографическими признаками. Судьба народа – это судьба нашей Родины. Демографические признаки актуализируются через слова и словосочетания: *православный народ, царь-государь, боярин-барин, дьяк-хитряк, звонарь-бунтарь, скоморохи, мужик, вдовы, стрельцы-молодцы, казаки, народ служивый, народ, народ темной:*

*Стоит Московия на краю степей
Что в ней?..
**Царь-государь,
Боярин-барин.**
**Дьяк-хитряк,
Звонарь-бунтарь,**
*А еще развелись как блохи –
С к о м о р о х и...
Отчего полынь-травой
Отдает медовая?..
Не с нее ли так с лихвой
Русь богата **вдовами?**..**

Следующий кластер связан с эмоционально-ценностными признаками концепта «РОДИНА/МАЛАЯ РОДИНА». Любовь к родине также актуализируется в дискурсе поэмы: *любить, Русь*; признак уникальности репрезентирован лексемами: *одна, единственная*, что позволяет сформировать в сознании носителей русской лингвокультуры неповторимый образ родной страны:

...Вы учили петь меня

И любить Россию.

Петь по-русскому,

Свое

И любить по-русски.

Русь, она – молчальница!

Русь, она – терпеж!

Ну а раскачается –

Силой не уймешь!

Чувство родимой земли неотделимо от восприятия природы. Выделение этой группы признаков актуализирует чувства привязанности к родине, неотделимости от неё, это особое чувство – чувство Родины, связанное с чувством гордости за свою страну: *березы, зорька летняя, степушка-степь, ноченька, солнышко, журавлиный говор*:

Как спокойна степь в ночи.

Как светло и росно...

Птицы где-то прокричат –

И сорвутся звезды.

Белый город...

Вы- края...

Степь...раздолье летнее –

Песня и любовь моя

Первая...

последняя...

Отдельный кластер составляют императивы долженствования и обязанности перед Родиной, что актуализируется через слова и словосочетания: *как русский, народ служивый, дружина, вражьи силы, поднимайся, собирайся*.

Поднимайся, народ,

Служивый.

Собирайся, народ.

В дружины.

Заряжайте потуже

Пищали.

Русь врагам ничего

Не прощает!

Концепт «РОДИНА/МАЛАЯ РОДИНА» является ведущим в поэме И.А. Чернухина БЕЛ-ГОРОД и представляет собой одну из центральных «семантических сфер» в индивидуально-авторском стиле поэта, которая связана с прецедентностью. Как показал анализ, смысловое наполнение названного концептуального образования последовательно формируется на протяжении всей поэмы и включает в себя несколько концептуальных признаков: *Родина – «мать»*; *«земля, край отцов, где живут близкие»*; *«государство, в котором человек родился»*; *«отечество, отчизна, государство, гражданином которого состоит»*. Названные смысловые планы состоят из ряда семантических линий (семантических составляющих), которые, взаимодействуя, создают поэтическую картину мира, соответствующую мировосприятию автора. Языковые средства вербализации концепта РОДИНА – члены синонимической и антонимической парадигм, тематические области и способы их лексического представления (конституирующие их единицы), репрезентирующие исследуемый концепт в поэтических текстах; изобразительно-выразительные средства и их функции при создании семантики образа «РОДИНА/МАЛАЯ РОДИНА» в поэтических текстах.

Обобщая прецедентные признаки концепта «РОДИНА/МАЛАЯ РОДИНА», выделенные в дискурсе поэмы, можно сделать выводы.

1. Родина предстает как субъект мирового географического пространства, значительный по размерам – бескрайняя страна с ландшафтными особенностями и природными богатствами, где протекают природные, социально-экономические, исторические и демографические процессы.

2. Уникальность и красота Родины вызывают личностные переживания – особое чувство Родины и связанное с ним чувство гордости за свою страну. Таким образом, эмоционально-ценностная составляющая РОДИНЫ конституируется некими абстрактными сущностями которые не поддаются описанию.

3. Признаки императивного кластера, репрезентированные значительно меньшим количеством упоминаний в текстах по сравнению с выявленными признаками историко-географического и эмоционально-ценностного кластеров, в дискурсе поэмы актуализированы для формирования в сознании личности идеи гражданственности и патриотизма и связанные с ними ценности.

4. Вербализации подвергаются, в основном, реалии окружающего мира, характер и круг конкретных черт окружающей действительности что свидетельствует о том, что для И.А. Чернухина малая родина и большая родина неотделимы.

При этом отмечено активное использование автором прецедентных единиц, которые связаны с народно-поэтической картиной мира: *Русь; святая Русь, Матушка-Русь, Рассея, Рассеюшка, Белый город, Белогорье, Московия царь-государь православный народ, народ служивый, Куликово поле и т.п.*

2.4. Функциональные и культурологические особенности имен собственных как потенциал прецедентности

2.4.1. Особенности функционирования антропонима

Деление имен существительных на собственные и нарицательные является общепринятым и имеет давнюю традицию. Оно связано с особенностями значения и функционирования указанных классов субстантивов. Но провести четкую демаркационную линию между ними не всегда оказывается возможным.

При определении состава класса имен собственных возможны два подхода: широкий и узкий. В соответствии с широким подходом класс имен собственных включает в себя наряду с именами людей и кличками животных, географическими и астрономическими названиями наименования исторических событий, книг, картин, учреждений, поездов и др.

Включение в класс имен собственных некоторых наименований не представляется оправданным. Так, по мнению Л.Л. Буланина, отнесение к именам собственным общественно-политических наименований, литературных произведений, названий газет, журналов нецелесообразно [Буланин 1976: 31]. Становясь именем собственным, любая часть речи (или иная единица), субстантивируется, получает иную морфологическую характеристику, что меняет и ее синтаксические возможности. При необходимости морфологически охарактеризовать некоторые наименования (в частности, названия литературных произведений) нередко возникает трудность: например, невозможно считать субстантивом название *«Как закалялась сталь»* и др.

В решении вопроса о составе класса имен собственных наиболее обоснованной представляется точка зрения сторонников узкого подхода, высказанная, в частности, в «Русской грамматике» (т. 1): внутри класса имен собственных различаются «имена собственные в узком смысле слова и наименования. Собственные имена в узком смысле этого слова – это географические и астрономические названия и имена людей и животных. И те и другие выполняют индивидуализирующую функцию, но для некоторых единиц эта

функция является первичной, для некоторых единиц эта функция вторична. Первые и составляют «собственные существительные, а вторые обычно подводятся под так называемые собственные наименования или имена собственные по употреблению». Внутреннее деление единиц, подводимых под класс имен собственных, находит обоснование также в том, что в именах собственных (в узком смысле) отсутствует (или утрачивается) апеллятивное значение основы, в наименованиях это значение сохраняется, ср.: *Котов* (фамилия) – газета *«Известия»*.

Какие имена собственные могут становиться прецедентными? Понятие прецедентности основывается на выражении именем определенного понятия. Термином понятие принято обозначать «совокупность общих и существенных признаков предмета» [Суперанская 1989: 34], но специфика имен собственных как раз и состоит в том, что их смысловое содержание не связывается с понятием в указанном смысле. Так, лингвисты, сравнивая структурно-языковое содержание имен собственных с понятийным по своей сущности содержанием имен нарицательных, находят, что семантика имен собственных беднее из-за неявной представленности в ней понятийного начала. А.В. Суперанская справедливо отмечает, что «семантический треугольник в случае с именем собственным превращается в линию: слово – вещь» [Суперанская 1969: 124].

В других случаях судят по речевому употреблению имен собственных: при таком подходе они понимаются как слова с перегруженной семантикой, «значение» (или понятие) подменяется энциклопедическим знанием о денотате. Собственные имена, в первую очередь, выполняют номинативную функцию, нарицательные – семасиологическую (содержательную).

Отмеченные единицы демонстрируют сходство в характере функционирования: в денотативном значении они выполняют номинативную, идентифицирующую или дифференцирующую функции, а в случаях реализации сигнификативного значения – семасиологическую функцию. Значение апел-

лятивной основы в выполнении этих функций не участвует, а если это имеет место, то речь идет о реализации *доантропонимического* значения (термин В.А. Никонова) с целью создания известного стилистического эффекта. Так, среди прочих собак, находящихся во дворе у Ноздрева, героя поэмы Н.В. Гоголя «Мертвые души»: *Тут были все клички, все повелительные наклонения: стреляй, **обругай**, порхай, пожар, скосырь, черкай, допекай, припекай, северга, касатка, награда, попечительница* (Н. Гоголь) именно **Обругай** оказал Чичикову дружбу: *Штук десять из них положили свои лапы Ноздреву на плеча. **Обругай** оказал такую же дружбу Чичикову и, поднявшись на задние ноги, лизнул его языком в самые губы, так что Чичиков тут же выплюнул* (Н. Гоголь).

О существительном, взятом в системе языка, вне речевого акта, нельзя говорить как об определенном или неопределенном, но можно говорить о степени его потенциальной определенности. *Общее* имя собственное обычно является единственным в определенной ситуации и потому известным всем участникам речевого акта; *индивидуальное* имя собственное определено всегда.

Среди собственных имен выделяются те, которые обозначают общеизвестные предметы или лица – *индивидуальные* имена собственные, или имена собственные с *индивидуальными коннотациями* (*Ньютон, Пушкин*), и *общие* имена собственные, или имена собственные *без индивидуальных коннотаций* (*Елена, Сергей*). За индивидуальными именами собственными всегда стоит определенное лицо, на имя переходят и признаки его носителя, поэтому в речи оно может употребляться как прецедентный феномен:

*Под музыку **Вивальди** изысканным барокко,
Почти по-королевски и женственно весьма,
С неистовою страстью отчаянность порока
И чью-то непорочность приветствует зима.* (Лана Яснова);

*Внешность нежная, без маски,
Без усилий авангарда,
Женщина – живые краски
Тонкой кисти **Леонарда**. (В.К. Харченко)*

– предварительной экспликации признаков не требуется, имена **Леонарда и Вивальди** является ключом ко всему комплексу соответствующих представлений. Здесь только следует добавить, что в стихотворении Л. Ясной используется не только прецедентный антропоним, но в целом прецедентное высказывание «Под музыку Вивальди» – строка-рефрен из известной песни Виктора Берковского и Сергея Никитина на слова Александра Величанского, тонкого поэта и переводчика.

Личные имена собственные также использованы как прецедентные феномены в следующих случаях:

*Если сын уезжает, меняется зона ночлега,
Словно кошка, свернувшись клубком, грею место, где спал хозяин,
Так костер стерегли. Так, наверное, ждали **Олега**,
Святополка, Мстислава...измененный семейный дизайн.*

(В.К. Харченко);

*Я – **Фауст**. Вот моя примета:*

*Я – **дос**, я знаю жизнь давно...*

(Лана Ясная).

В период своей прецедентности эти тексты обладают ценностной значимостью, а основанные на них реминисценции часто используются в дискурсе данного отрезка времени.

Употребление прецедентного имени в тексте как не прецедентного является частным случаем языковой игры – для достижения известного стилистического эффекта: *Перед ним сидел **Шиллер**, – не тот **Шиллер**, который*

написал «Вильгельма Телля» и «Историю Тридцатилетней войны»; но известный **Шиллер**, жестяных дел мастер в Мещанской улице (Н. Гоголь).

По мнению О. Есперсена (1958), собственные имена могут употребляться во множественном числе в ограниченном ряде случаев, когда обозначают: 1) конкретные предметы или лица, которые более или менее случайно обозначаются одним и тем же названием: *В нашей компании было три Мэри*; 2) членов одной семьи: *Стюарты*; 3) произведения, созданные автором, носящим это имя (в результате метонимического переноса): *В этой галерее два Рембрандта*; 4) лица или предметы, сходные с лицом или предметом, носящим данное имя: *Иуды, короли Генрихи, королевы Елизаветы идут своим путем* (Т. Карлейль).

***Фарлаф**, узнавши глас Рогдая, Со страха скорчась,
обмирал И, верной смерти ожидая, Коня еще быстрее гнал. Так точно заяц торопливый, Прижавши уши боязливо, По кочкам, полем, сквозь леса Скачками мчится ото пса.*

Автор отсылает нас к фрагменту из поэмы А.С. Пушкина «Руслан и Людмила». Метафорическое употребление прецедентного поэтонима **Фарлаф** как символа воина не настоящего, бежавшего с поля боя (завоеватель, да не настоящий) демонстрирует совпадение понимания прецедентных поэтонимов в тексте-источнике и тексте-реципиенте.

*Вновь поединок вижу гордый
Через пространство сотен лет:
Пал **Челубей** на землю мёртвый
И стал бессмертен **Пересвет**.*

Подобное функционирование прецедентного имени не требует каких-либо комментарии или расшифровку как самого имени, так и ситуации или текста, признак отделяется от своего референта, сам культурный знак оказы-

вается самодостаточным, чтобы выразить гораздо большее, чем очевидное значение знака.

Естественно, что прецедентные имена, поскольку они уже являются выразителями определенного понятия, могут использоваться и во множественном числе: *Являлись перед ним застрелившиеся, повесившиеся и удавившиеся Вертеры* (И. Гончаров); *Нынешние Раскольниковы не убивают старух-процентщиц топором, но терзаются перед той же чертой – переступить?* (Ю. Трифонов).

Поэтические тексты дают большое количество примеров обращения к прецедентным именам. Это лишь несколько фрагментов из художественных текстов, в которых фигурируют имена героев классической литературы: в этих случаях при употреблении того или иного прецедентного имени из всего многообразия характеристик данного феномена выделяется некий весьма ограниченный набор признаков, остальные же отбрасываются как несущественные. При этом *Обломов* оказывается только лишь лентяем, *Анна Каренина* – женщиной, бросившейся под поезд, а *Раскольников* – молодым человеком, убившим старушку. Безусловно, образ каждого из этих героев гораздо многограннее, но в художественных текстах обращаются к ним, как к «максимально редуцированным и минимизированным представлениям».

2.4.2. Метонимическое использование топонима как потенциал прецедентности

В последние годы количество прецедентных имен, используемых в художественной речи, стремительно расширяется, растет и частотность их использования [Красных 2002; Нахимова 2005; Сметанина 2002 и др.].

Основным положением для исследования является возможность применить идеи прецедентности, основанной на концепции прецедентных текстов Ю.Н. Караулова, для топонимических исследований. По определению Ю.Н. Караулова, к прецедентным текстам относятся «...тексты, 1) значимые для той или иной личности в познавательном и эмоциональном отношении,

2) имеющие сверхличностный характер, т.е. хорошо известные широкому окружению данной личности, включая ее предшественников и современников, и, наконец, такие, 3) обращение к которым возобновляется неоднократно в дискурсе данной языковой личности» [Караулов 1987: 216].

Прецедентные имена – это широко известные имена собственные, которые используются в тексте не столько для обозначения конкретного человека (ситуации, города, организации и др.), сколько в качестве своего рода культурного знака, символа определенных качеств, исторических событий, судеб.

В когнитивной базе носителя языка хранится прецедентное имя и то, что за ним стоит, совокупность дифференциальных признаков и атрибутов. Любое прецедентное имя имеет определенную структуру: ядро инварианта составляют дифференциальные признаки, которые определяют специфические признаки данного имени, периферию – атрибуты. Полный и точный (закрытый) перечень компонентов, составляющих дифференциальные признаки того или много имени, обозначить невозможно.

Для прецедентного топонима дифференциальные признаки могут быть представлены такими характеристиками, как *масштабы географического объекта, значимость, особенности создания*, атрибуты прецедентного имени – это «элементы, тесно связанные с означаемым прецедентного имени, являющиеся достаточными, но не необходимыми для его сигнификации» [Красных 2002: 80-82].

Семантическая структура прецедентного имени определяет особенности его использования. При рассмотрении специфики конкретных словоупотреблений Д.Б. Гудков разграничил денотативное (интенциональное) и коннотативное (экстенциональное) употребление прецедентного имени [Гудков 2003: 154].

Таким образом, прецедентные имена, являясь, с одной стороны, частью когнитивной базы, с другой – относятся к классу имен собственных.

Топонимы способны употребляться в переносном смысле, и метонимический перенос их значений осуществляется аналогично тем же явлениям в системе апеллятивной лексики. **Прецедентность** выступает как результат метонимии, что позволяет говорить о метонимическом характере прецедентности. Н.Д. Арутюнова рассматривает метонимию как «троп или механизм речи, состоящий в регулярном или окказиональном переносе имени с одного класса объектов или единичного объекта на другой класс или отдельный предмет, ассоциируемый с данным по смежности, сопредельности, вовлечённости в одну ситуацию» [Арутюнова 1975: 300].

Основой метонимии могут служить пространственные, событийные, понятийные, синтагматические и логические отношения между различными категориями, принадлежащими действительности и её отражению в человеческом сознании, между предметами, лицами, действиями, процессами, явлениями, событиями, местом, временем и т. п.

Современные исследователи выделяют следующие основные типы метонимического употребления топонимов: *место – место*; *место – национальность*; *место – учреждение*; *место – люди*; *место – человек*; *место – изделие*; *антономазия*.

Топонимы могут **метонимически** обозначать некоторые исторические события, отражать историческую судьбу соответствующих государств или их современное состояние [Привалова 2005].

Подобные метонимические переносы значений позволяют проводить исторические параллели, а также выступать символом определенного исторического периода (*место – событие*) [Привалова 2005]. Так, в России величайшие национальные идеи издавна образно представлялись афористическими высказываниями, формулами с использованием прецедентных феноменов. Возможно, первой по времени из подобных формул было определение *Москвы* как *Третьего Рима*, ср. в современном поэтическом тексте:

Рим в России –

виденье святое,

Злых и добрых времен пересуд,

Рим в России – Москва... (И.А. Чернухин)

Идея *Москвы* как *третьего Рима* имела глубокое историческое основание: «*Россия* – хранительница христианской православной веры в связи с падением второго Рима – Константинополя». Прецедентные топонимы при этом связаны и с прецедентной ситуацией, и с прецедентным высказыванием. *Москва* метонимически соотносится с ключевыми локусами христианской веры, с Римом, разворачивая прецедентную ситуацию (*часть от целого – синекдоха как вид метонимии*).

Аналогичное явление наблюдаем и в отношении новых для нашей этнокультуры прецедентных топонимов. В частности, *Афганистан и Чечня* в *сознании* лингвокультурного сообщества – «горячие точки», а потому при восприятии поэтических строк, содержащих указанные топонимы, через прецедентную ситуацию актуализируются фоновые знания адресата о боевых действиях в *Афганистане* и *Чеченской республике*:

Амулет береженья,

Талисман на Руси.

Сын пройдет с ним все БАМы.

И Афган, и Чечню... (И.А. Чернухин).

В следующую группу исследователи включают «получившие широкую известность урбанонимы, использующиеся для образного обозначения иных населенных пунктов». Основанием для прецедентности здесь становится сопоставление наиболее ярких характеристик географического объекта – размера, расположения, экономической составляющей и т.д. (*Вифлеем, Ершалаим* как часть библейской истории, *Санкт-Петербург, Москва, Париж, Венеция, Карабах и др.*).

Характерным для дискурса русского поэтического текста является дифференциация вариантов прецедентных имен. Так, прецедентное имя

Санкт-Петербург реализует ряд номинативных вариаций, актуализируя в коммуникативном сознании различные фоновые знания:

– «исторические эпохи» (*Ленинград, Петроград, Петрополь, Санкт-Петербург*);

– «двойственное восприятие города» (*чудный град, город мглы и тоски*);

– «создатель города» (*град Петров, город Петра, град великого Петра, Петра творенье*);

– отождествление семантики имени с семантикой иных топонимов (аллюзии) (*Северный Версаль, Северная Пальмира, русские Афины*);

– «центр притяжения творческого и научного потенциала России, создания шедевров мирового искусства, свершения научных открытий, мозг всей России» (*Пушкина город и Достоевского, всех градов царица*);

– «вторая столица» (*младшая столица, военная столица, Невская столица, Северная столица*).

Не вызывает сомнения прецедентность топонимов *Содом и Гоморра*, упомянутых впервые в Ветхом Завете, где инвариантной ядерной частью прецедентного имени является значение «грех и распутство».

Метафорическое использование топонима *Чернобыль* актуализирует знание таких реалий, как «техногенная катастрофа», взрыв, трагедия» и «последствия аварии»:

А смертоносность вновь обогнала роддом,

Змея Чернобыля по области незримо

Всё ползает... Гоморра и Содом... (В.К.Харченко).

Функционирование в сравнительно небольшом тексте тополекем, «прославившихся» в разные эпохи и в различных исторических условиях, позволяет провести межтекстовые параллели, связывающие воедино столь отдаленные друг от друга события.

Одним из критериев определения прецедентности, как справедливо считает Е.А. Нахимова [Нахимова 2002], является синонимический критерий, который, как мы полагаем, является факультативным признаком (представление имен собственных как однотипных по семантике, образование контекстуальных синонимов).

Так, событийные контексты, стоящие за номинациями *земля Куликова* и *Бородино*, известны всему народу. Если определять инвариатную ядерную часть, то это – «победа, мужество, героизм», «бой, битва». Прецедентность таких топонимов, которые воспеты поэтами, художниками, музыкантами, бесспорна:

*Здесь земля дымилась рекою
И стала по праву равна
Победной земле Куликова
И мужеству Бородина.* (И.А. Чернухин)

Автор упоминает прецедентные топонимы, повествуя о Прохоровском сражении, поскольку в русском сознании Куликовская битва, Бородинское сражение, битва под Прохоровкой – равные по своей исторической и культурной значимости события.

Отличительной особенностью функционирования прецедентных имен является их способность употребляться в качестве символа, культурного знака:

*На Куликовом поле снова
Конь у реки призывно ржал.
От взгляда Дмитрия Донского
Мороз по коже пробежал.* (И. Чернухин)

В этом случае при использовании происходит обращение к дифференциальным признакам этого имени, составляющим ядро инварианта восприятия прецедентного имени, при таком функционировании прецедентного имени не требуются какие-либо комментарии или расшифровка как самого име-

ни, так и ситуации или текста, признак отделяется от своего референта, сам культурный знак оказывается самодостаточным, чтобы выразить гораздо большее, чем очевидное значение знака.

Традиционно в русской поэзии (строки белгородских авторов не исключение) используется ряд прецедентных имен, важных для русского ментального сознания. Речь идет о ключевых понятиях культуры. В их числе топонимы, восходящие к библейским легендам, мифам античности (**Иерусалим, Арарат, Назарет, Вифлеем, пещера Рождества**). Это величайшие культурные символы:

*Поговори со стеной,
но не там, где шумит Ершалаим,
где умиряется плач
и становится легче от слез.* (Лана Яснова)

В основе имени **Ершалаим (Иерусалим)** лежит тот же корень, от которого происходит ивритское слово «мир». Номинация стала объектом таких этимологизаций, как «Город мира», «Обиталище мира», «Основанный в безопасности» или, как вариант у некоторых христианских авторов, «Видение Мира». **Иерусалим** в сознании мирового лингвокультурного сообщества – главный священный город христиан, центр христианского богослужения. Автор обращается к стене, которая ассоциативно связана с Иерусалимской стеной плача и со стеной, к которой обращается лирический герой стихотворения И. Бродского «Письма к стене»: «... *Обращаюсь к стене, в темноте напряженно дыша...*». Перед нами – прецедентное высказывание. В то же время в данном случае прецедентность топонима находит свое обоснование и в ассоциативной связи с **Ершалаимом** как местом действия одной из сюжетных линий романа М.А. Булгакова «Мастер и Маргарита» (не случайно автор использует не общеизвестное наименование города **Иерусалим**, а булгаковский **Ершалаим**).

В стихотворениях Н. Дроздовой упоминается другой связанный с библейской историей топоним:

Птица счастья не знает, где земля Арарат. (Н.Дроздова);

Арарат. В развалинах окраин

Брежит утро новое. Аминь! (Н.Дроздова).

Структура прецедентного имени **Арарат** содержит инвариантную ядерную часть «священное место», «колыбель человечества», именно здесь, на склоне **Арарата**, Ной построил алтарь и посадил первый виноградник. В мифологии и в художественной речи, особенно в русских средневековых источниках существует целый ряд мифов, содержащих описание горы **Арарат**. Известный художник-маринист Иван Айвазовский писал гору **Арарат** не менее десяти раз.

И строки Н. Дроздовой посредством этого прецедентного топонима отражают православную ментальность автора (*место – вера*).

Использование определений, подчеркивающих нетрадиционность смысла определяемого имени, является одним из типичных признаков прецедентности топонима в тексте (*атрибутивный критерий прецедентности*), ср.:

*...Память прячет себя по укромным расщелинам,
как пещерную тайну – седой Вифлеем...* (Лана Яснова).

В коммуникативном сознании **Вифлеем** – «древний город», «место рождения царя Давида и Иисуса Христа». Определение *седой* подчеркивает древность, значимость, величайшую мудрость этого города. «*В Вифлееме, в подземном приделе, Храм Рождества, блещет среди мраморного пола, неровного от времени, большая серебряная звезда*» (И.А. Бунин). В поэтическом тексте акцент сделан на тайне, которую прятал некогда этот город – тайное место рождения младенца Христа, именно этот культурный смысл реализует в данном случае прецедентный топоним.

В целом, прецедентные топонимы соотносятся со временем и эпохой значимых для человечества событий (отражение философских категорий времени и пространства), переломных исторических моментов, в том числе уже опосредованных при помощи других культурных текстов и т.п.

Так, например, представления, стоящие за фраземой *бандитский Петербург*, в сознании русского лингвокультурного сообщества – это события известного телесериала (*место – события*), что подчеркивается автором текста-реципиента лексическими средствами:

*И не предвидит кинодраматург,
что где-нибудь за Невскою заставой
появится «бандитский Петербург»... (Лана Яснова).*

К следующей группе прецедентных онимов Е.А. Нахимова относит такие единицы, которые используются для обозначения важного события при помощи указания на микротопоним, где таковые события имели место [Нахимова 2002].

В текстах белгородских поэтов находим немало таких прецедентных топонимов (*Невский проспект, Сенная площадь, Красная площадь, Кремль, Храм Воскресения Христова (Спас на крови), Арбат* и др.).

Храм Воскресения Христова (Спас на крови) как историческое событие, связанное с покушением и ранением Александра II, выступает как культурологически значимый образ еще дореволюционной России, соотносимый с её могуществом, православной культурой и др. При этом известно, что Храм Воскресения стоял до конца XX века в строительных лесах (реставрация храма длилась очень долго): «*Мечтаю снять леса со Спаса на Крови...*» (А. Розенбаум); «*...И Спас на Крови за лесами скрывает величие...*» (Лана Яснова). Строки отражают прецедентную ситуацию, метонимически обозначая события, которые происходили в конце XX века (*место – событие*).

Сенная площадь в представлении русского образованного лингвокультурного сообщества – место очень необычное. Именно на *Сенной* Н.А.

Некрасов увидел, как «...били женщину кнутом // Крестьянку молодую», Раскольников на *Сенной* решается на преступление и здесь же принародно кается, у В. Крестовского в «*Петербургских трущобах*» *Сенная площадь* – одно из полноправных действующих лиц [Крестовский]. *Сенная площадь* – площадь в центре Санкт-Петербурга, где всегдалюдно, здесь пересекаются три линии метрополитена, маршруты трамваев и автобусов. По аналогии с «чревом Парижа» её называют «чревом Петербурга»: «...и поверни, и дальше – по *Сенной*, и через мост – и к дому на *Фонтанке*...» (Лана Яснова). Поэтические строки отражают реальные события жизни автора, некоторое время проживавшего в доме за *Сенной*, на *Фонтанке* (*место – событие*).

Подытоживая наш анализ, можем утверждать вслед за другими исследователями, что система прецедентных феноменов – это один из инструментов трансляции «культурной памяти» народа от одного поколения к другому. При этом понимание и восприятие прецедентных онимов зависит от фоновых знаний читателя, поскольку с «процессом восприятия текста происходит процесс узнавания носителя прецедентного имени, сведения о котором хранятся в когнитивной базе читающего» [Чумак-Жунь 2014: 80].

В качестве признаков прецедентных онимов и аргументов самого факта их прецедентности мы полагаем значимыми следующие параметры:

1) регулярная воспроизводимость, повторяемость соответствующих имен в текстах, связанность соответствующих имен с классическими произведениями;

2) общеизвестность соответствующих феноменов или хотя бы их известность большинству членов лингвистического сообщества;

3) прецедентные имена как единицы языка и речи выступают репрезентантами прецедентных концептов – ментально-вербальных единиц, которые используются для представления, концептуализации и оценки действительности при построении картины мира и ее фрагментов; прецедентное имя – это всегда имя культурного концепта;

4) неденотативное использование того или иного имени в функции культурного знака, связь с известной ситуацией (прецедентная ситуация);

5) связь с метонимией: топонимы способны **метонимически** обозначать некие события, людей, эпохи, время и др., в этом случае прецедентность выступает как результат метонимического переноса, что, в свою очередь, позволяет говорить о метонимическом характере прецедентности.

2.4.3. Метонимическое использование астрономов

как потенциал прецедентности

У каждого народа имеется большой запас ценностей, передающихся из поколения в поколение. Среди них – названия, данные планетам и космическим телам. Эти наименования действительно имеют богатую историю.

На протяжении веков менялось восприятие космических явлений, что приводило к изменению названий, связанных с космосом.

Вопросами космонимики и астрономики занимались такие исследователи, как Ю.А. Карпенко, Н.Х. Максютова. Среди учёных-ономатологов широко известны работы В.А. Никонова, который небезосновательно считал эти классы онимов «ценным источником не только для лингвистических, но и для исторических раздумий и разработок» [Никонов 1971:15].

В настоящее время система космонимов в пространстве современных художественных текстов исследована недостаточно и фрагментарно. Отдельные наблюдения находим в работах Н.А. Аксариной, Г.Ф. Ковалева и др [Аксарина 2002: Ковалев 2004 и др.].

Мы настолько привыкли к этим лексемам, что часто употребляем их в одном ряду с нарицательными именами. Так, *Солнце* ассоциируется в сознании читателя с такими словами, как: *утро, рассвет, полдень, закат, небо, облака*, космоним *Луна* – *вечер, ночь, звездное небо* и т.д. Можно с уверенностью говорить о том, что в нашем сознании эти имена уже частично апелля-

тивированны, подтверждение тому – нередкое написание их со строчной буквы. В то же время в поэтическом тексте название светила зачастую функционирует как имя собственное:

*Мне бы – исправить, переиздать,
Чтобы ночами ласкала Луна
Преданных окон озерную гладь ...*(Лана Яснова)

Слово **Солнце** вызывает приятные ассоциации у каждого из нас, ведь оно дает нам свет, жизнь, радость. В древности это слово являлось эмоционально окрашенным, благодаря суффиксу *-ц-* (ср. *оконце* от *окно*). Сейчас в номинации **Солнце** мы никакой уменьшительности не ощущаем, так как слово без суффикса *-ц-* давно вышло из употребления. Но в древности оно существовало.

Планеты в Древней Греции получали наименования под влиянием Вавилона, где система небесных светил была хорошо изучена и именовалась по главнейшим богам, затем получила божественные названия. Усвоив вместе с астрономической мудростью эти названия, римляне заменили их именами соответствующих своих богов. Так появился ряд **Меркурий, Венера, Марс, Юпитер, Сатурн**.

Ярчайшая из планет **Венера** в древнегреческой мифологии получила имя богини любви **Афродиты** по той же логике, по которой **Луну** называют солнцем влюбленных. У римлян **Афродита** была отождествлена с **Венерой** – богиней красоты, плодородия и супружеской любви.

*Только, видимо, предкам досталось за князево –
не нашлось золотых на мою канитель,
а быть может, Венерой зеленою сглазило
беспокойное небо спокойный апрель...*(Лана Яснова).

В данном случае обыгрывается календарное время рождения автора, пришедшееся на тот период года, когда хорошо видна **Венера**. Известно, что,

согласно восточному гороскопу, Венера управляет рожденными под знаком Тельца.

Прецедентное имя **Земля** необыкновенно близко и дорого, поскольку с лингвокультурном сознании – это *дом, родина, Отечество, Отчизна, отчий дом* и т.д.

Я здесь пожизненно прописана:

Квартира... Улица... – Земля... (Лана Яснова).

Что касается мифологических имен, то они давно и прочно вошли в «золотой фонд» прецедентности:

*И вечер что ночь, и развесит **Пегас***

*В полнеба созвездие **Андромеды***

И кажется, осенью дальше фугас

Последней минуты, последней победы. (В. Харченко)

Согласно греческим мифам **Андромеда** была дочерью эфиопских царя Кефея (Цефея) и царицы Кассиопеи. Она была отдана отцом в жертву морскому чудовищу Киту (по некоторым версиям, Кето), опустошавшему страну, но спасена Персеем. После смерти превратилась в созвездие. Несколько соседних созвездий (Персей, Кассиопея, Кит и Цефей) также названы в честь персонажей этого мифа.

По мнению ученых XIX века, **Пегас**, родившийся от смертоносного чудовища на краю света и вознесшийся на сверкающие вершины Олимпа, является символом связи всего живого.

Мифологические номинанты являются востребованными у белгородских авторов:

*Поясок **Ориона**, пульсирует **Сириус** низко,*

А фонарь одинокий на снег свое золото льет.

Сколько света в ночи! Сколько в жизни любви и риска!

***Минивселенная**, очаг...* (В. Харченко);

*Хохотала бледная **Медея**...* (И.А. Чернухин);

...а быть может, **Венерой** зелёною сглазило
беспокойное небо спокойный апрель... (Лана Яснова).

Легенды гласят, что на Земле в античные времена обитал великий охотник, по имени *Орион*, наделенный своим отцом – *Посейдоном* – умением ходить по воде. Именно его фигура, расположенная на юго-востоке, является ключевой на зимнем небосводе. Чтобы его обнаружить, следует найти три звезды, образующие прямую линию и называемые поясом Ориона. Выше располагается самая яркая звезда созвездия – *Бетельгейзе*, а ниже – *Ригель*. Охотник прикрывается щитом от разъяренного быка – *Тельца*, находящегося правее и выше. Его самой крупной звездой является *Альдебаран*. За могучей спиной животного прячутся семь дочерей Атланта – *Плеяды*, преследуемые *Орионом*. Наименования космических использованы в первичной функции (в соотнесенности с именуемыми объектом), в позиции объекта описания.

Часто для усиления экспрессии писатели вводят в художественное описание выразительные средства, оригинальные стилистические фигуры и приемы изображения: *Вот четыре яркие звезды – видишь? Это **Коса Красавицы**. Левее самой верхней сла-абенькая звездочка. Вот там мы с вами, девочки, родились. Я раньше, вы позже. Это наше **Солнце*** (Стругацкий А., Стругацкий Б. *Далекая Радуга*).

Подобно топонимической лексике космонимы могут **метонимически** обозначать некоторые события, отражать народные поверья и легенды, связанные с названиями небесных тел и созвездий. Подобные метонимические переносы значений позволяют проводить исторические параллели, а также выступать символом определенного исторического периода (*место – событие*), а также своеобразно и красочно отражать многие этапы научного познания Вселенной, служить небесными ориентирами, надежным средством, позволяющим лучше усвоить конфигурацию звездного неба.

Человеческая мысль богато расцвела названиями ночной небосклон, разукрасила ими всю Солнечную систему. «Украшения» эти практичны и важны, они помогают разобраться в непростой картине мироздания.

Орион – мое любимое зимнее созвездие, огромно, наискось распятое на краю неба, с юга от меня... (М.Ганина).

Космонимы и астрономы таят в себе сведения, относящиеся к крайнему периоду человеческого познания. Отсюда берут начало народные поверья и легенды, связанные с названиями небесных тел и созвездий. Именно космонимы и астрономы дают ценный материал для изучения мировоззрения, фантазии, образного мышления человека и восприятия им космических тел, поэтому выявление этих ономастических единиц, их сравнительное изучение имеет большое научное значение для дальнейшего развития космонимики.

2.6. Организация исследовательской деятельности школьников при изучении прецедентных феноменов

В настоящее время многие педагоги организуют исследовательскую деятельность школьников на уроках и во внеурочное время. Исследование — это способы организации самостоятельной деятельности обучающихся по достижению определённого результата. Весь процесс базируется на интересах, способностях ученика, который имеет возможность выбирать тему проекта, организационную форму его выполнения (индивидуальную и групповую), оценить сложность проектировочной деятельности.

На уроках русского языка в 5-9 классах (программа под ред. Л.М. Рыбченковой) ученики знакомятся с ономастикой, наукой об именах собственных всех типов, о закономерностях их развития и функционирования. Особое внимание обращается на антропонимику – раздел ономастики, изучающий имена людей. Ученики рассматривают производные различных имен, интересуются происхождением своих имен.

В это время можно организовать проектную деятельность школьников. Ученики охотно выполняют мини-проекты о значении своих имен. Защиту данных работ можно провести на отдельном уроке или во внеурочное время. При защите краткосрочных индивидуальных мини-проектов ученики используют небольшие презентации. Важно, чтобы дети не только познакомились со значением имен своих сверстников, но и прониклись уважением к имянаречению у разных народов. Затем организуется работа над групповым информационным проектом «Из истории имянаречения...». Каждый участник проекта выполняет определенную работу: одни осуществляют поиск информации об истории имянаречения на Руси, особенностях русских имен, а также находят сведения о том, как даются имена у разных народов; другие – работают над созданием презентации для защиты проекта; третьи – подбирают литературный материал для теста защиты проекта (крылатые выражения, стихи). Безусловно, проектная деятельность должна быть практически значимой. Проект должен иметь свой продукт, например, презентацию.

Следующий этап работы – коллективный исследовательский проект «Соцветие имен». Основная цель – развитие интереса школьников к краеведческому материалу по антропонимике посредством исследования частотности употребления имен учеников своей школы.

Основные задачи: вовлечь учеников в исследовательскую работу, совершенствовать навыки работы в команде, развить умение работать со статистическими данными, проводить и анализировать социологический опрос, составлять публичное выступление, защищать проект, воспитывать интерес к краеведению, формировать толерантное отношение к сверстникам, уважение к культуре разных народов.

Модель работы над проектом базируется на технологии проектной деятельности, разработанной Е.С. Полат.

Ученики должны исследовать частотность употребления женских и мужских имен обучающихся своей школы (всей школы или отдельной сту-

пени обучения), а также провести социологический опрос родителей о причинах выбора имен школьников. Для этого формулируются проблемы (вопросы), над которыми работают разные группы участников проекта. Исследователи:

1. Литературоведы – поиск стихов об именах (Какие поэты посвятили свои стихи значению имени человека, раскрытию причин выбора имен?).

2. Оформители – подготовка презентации проекта (Как представить проект в виде презентации, используемой при его защите?).

3. Редколлегия – подготовка стенгазеты на стенд «Лицейист» по материалам проекта (Как отобрать и оформить материалы проекта, чтобы заинтересовать читателя?).

4. Группа защиты проекта – выступление-защита проекта на заседании НЛЮ (научного лицейского общества), Дне открытых дверей.

В работе над проектом задействован весь класс, безусловно, это осложняет организационную работу учителя. На первом этапе вовлечены все ученики (формулировка проблем, постановка задач, составление плана действий и др.), затем начали работу группы исследователей и литературоведов, и, получив результаты, включились в работу над проектом оформители и редколлегия. Группа защиты проекта выбиралась всеми учениками. Эти ребята уже работали в других группах и на завершающем этапе должны были представить проект в целом. Защита проекта содержала не только презентацию с фактическими данными, но и литературно обработанный текст публичного выступления.

Наиболее сложной являлась работа подгруппы, осуществляющей статистическое исследование имен учеников. Каждый ученик должен проанализировать имена параллели классов, выявить их количество, частотность употребления каждого имени, затем передать всю информацию на электронном носителе старшему группы для формирования сводных таблиц по школе. В

результате работы были определены все имена в каждой параллели классов, выделены имена-лидеры по частотности употребления, а также имена, встречающиеся один раз. Вторая подгруппа провела социологический опрос родителей учеников о причинах выбора имени ребенка.

Таким образом, ученики не только узнали о количестве имен, но и определили, почему такие имена выбрали родители лицеистов. Многие школьники заинтересовались значением имен своих сверстников, прониклись уважением к имянаречению у разных народов, проживающих в Химках. Участники проекта пришли к выводу, что в нашем лицее, как и во всей нашей многонациональной стране, имена отличаются большим разнообразием, все вместе они образуют *соцветие имен* современных школьников. Результаты своей работы ученики передали группе по подготовке презентации, которую использовали при защите проекта.

Первоначально проект был представлен своему классу, так как члены разных групп выполняли только свою часть работы. Ребятам было очень интересно познакомиться с проектом в целом, осознать свою причастность к данной работе. Затем очень важно, чтобы проект был продемонстрирован не только сверстникам (защита на заседании научного лицейского общества, стенгазета, выступления в других классах), но и родителям (День открытых дверей). Ни для кого не секрет, что выполняя задания дома, ребята делились своими открытиями с близкими. Именно поэтому родителям было особенно интересно увидеть вклад своего ребенка в общую работу.

Достигнутые результаты: ученики узнали о частотности употребления женских и мужских имен, приобрели навыки работы в команде при ведении исследования, а также публично продемонстрировали результаты своей работы (защита проекта, стенгазета). Работа над проектом послужила развитию интереса обучающихся к краеведческому материалу по антропонимике. Статистические данные проекта могут быть использованы в дальнейших исследованиях.

В старших классах проектная работа по антропонимике может быть организована на уроках литературы. Предметом исследования станут литературные произведения.

ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ 2

Изучение ряда работ позволило нам определить, что прецедентный мир представляет собой комплексное лингвоконцептологическое и лингвокультурное образование, состоящее из всей совокупности прецедентных феноменов, составляющих прецедентную плотность текста, а именно: прецедентных имен, прецедентных высказываний, прецедентных ситуаций, прецедентных текстов.

Прецедентный мир и составляющие его прецедентные феномены являются носителями фоновых знаний определенной лингвокультуры и обладают национальным или универсальным характером.

Кроме того, используемые автором национальные прецедентные тексты в большей мере дополняются авторским толкованием, что приводит также к сохранению прецедентного мира в целом и очерчивает особенности авторского идиостиля.

Изучение цикла художественных произведений одного автора позволило выявить как относительно нейтральные прецедентные феномены, не имеющие прямой связи с основной темой произведений, так и прецедентные феномены с ярко выраженной тематикой, поддерживающие основную семантическую направленность анализируемых произведений.

Таким образом, можно предположить, что прецедентные тексты в составе прецедентного мира выполняют интегрирующую семантическую функции, в то время как прецедентный мир отражает не только авторскую позицию и его видение мира, но и свидетельствует о значимых ценностях для всего лингвокультурного сообщества.

Расширяя границы прецедентного мира одной тематики, можно получить немаловажные данные о смене статуса прецедентов (переход от национальных к универсальным прецедентам или обратный процесс), значимости прецедентов как носителях фоновых знаний, а также обогатить предложенную классификацию и функциональную значимость прецедентных феноменов.

Проведенное когнитивно-дискурсивное лингвокультурологическое исследование прецедентных имен, которые используются в современной белгородской поэзии, свидетельствует, что существующая в национальном сознании система прецедентных феноменов – это важное средство постижения, концептуализации, представления и оценки действительности. Эта система ярко отражает национальное самосознание и дискурсивные характеристики соответствующего текста: его авторство и адресность, условия создания и функционирования, интертекстуальные связи и социальное восприятие.

Прецедентные имена – это важная часть национальной языковой картины мира, они задают национальную систему ценностей и антиценностей, которая в той или иной мере регулирует поведение представителей национально-лингвокультурного сообщества.

Рассмотрение проблем классификации прецедентных имен показало, что к числу наиболее существенных оснований для классификации относятся следующие:

- понятийные сферы-источники, к которым относятся прецедентные имена в своих основных значениях (литература, театр, политика, кино, спорт, музыка, наука, субкультура и др.);

- национально-культурные источники прецедентности: отечественные и зарубежные;

- культурно-исторические источники прецедентности: современные и относящиеся к иным историческим эпохам;

-реальное существование источникового концепта или его принадлежность к миру литературы и искусства;

- разновидность источникового онима (антропоним, топоним, астроним и др.);

- базисные когнитивные структуры (стереотипы, оппозиции, элементы картины мира и др.), которые находят внешнее выражение в соответствующих прецедентных именах.

Определенный интерес могут представлять и отсутствующие пока классификации по возрастным, профессиональным и гендерным характеристикам прецедентных имен.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Теория прецедентности – это одно из важнейших и стремительно развивающихся направлений современной лингвистики.

Важными элементами информации в художественном тексте помимо всех фигур выдвижения являются прецедентные феномены, обогащенные не только эстетическим, но и национально-этнокультурными компонентами.

Тексты белгородских поэтов отвечают ожиданиям и предпочтениям представителей того сообщества, в котором они реализуются. Авторы используют прецедентные феномены, хорошо известные её широкому окружению (включая её бывших и новых соотечественников).

Поэты используют прецедентные феномены не только как специальный художественный приём, показывающий этнокультурную принадлежность своего персонажа: прецедентные феномены в художественном тексте влияют на развитие сюжета текста, на характер персонажей, на отношение автора к изображаемым событиям.

Прецедентные высказывания, имена и названия используются в основном для того, чтобы показать этническую идентичность персонажа и автора, часто при этом с предваряющими их соответствующими комментариями для читателя, а также для придания выразительности, усиливают степень образности текста. Прецедентный феномен часто вводится в название или эпиграф произведения, что вызывает интерес читателя к познанию одной из реалий культуры; знакомит с эмоциональной и содержательной составляющей той ситуации, которая является для автора важной. Прецедентные события и ситуации используются авторами, чтобы показать, на фоне каких исторических событий происходили или проходит жизнь персонажей. С помощью упоминаний исторических фактов (аллюзий) в текстах оформляются взгляды и отношение авторов к историческим фактам.

Проведенное исследование показало, что в текстах белгородских авторов активно используются специальные средства, направленные на акцентирование прецедентных феноменов в составе текста. К числу таких средств относится повышенная частотность использования, наличие определенной системы прецедентных единиц, использование прецедентных феноменов в сильной позиции (заголовок, первая и последняя фразы текста и др.), разнообразие прецедентных феноменов по видам, сферам-источникам, по форме представления и иным параметрам, рассредоточенность прецедентных феноменов, то есть их присутствие в различных частях текста, взаимодействие с иными образными средствами (метафора, антитеза, аллюзия, гиперболола и др.).

В исследовании была предпринята попытка проанализировать функциональные и культурологические особенности явления прецедентности в художественно-поэтическом дискурсе белгородской поэзии.

В ходе работы были исследованы основные теоретические положения интертекстуальности и было установлено, что прецедентные феномены являются средствами вербализации прецедентов в художественном произведении и представляют собой неотъемлемую составляющую категории интертекстуальности, так как могут быть представлены как интертекстуальные включения и отсылки. Прецедентные феномены являются неотъемлемой частью фоновых знаний социума, то есть обладают определенной функциональной и культурологической ценностью. Прецедентные феномены подразделяются на прецедентное имя, прецедентное высказывание, прецедентную ситуацию, прецедентный текст. В анализируемых художественных произведениях наиболее частотным видом прецедентных феноменов является прецедентное имя.

Изучение ряда работ позволило нам определить, что прецедентный мир выступает как комплексное лингвоконцептологическое и лингвокультурное образование, состоящее из всей совокупности прецедентных феноменов, со-

ставляющих прецедентную плотность текста, а именно: прецедентных имен, прецедентных высказываний, прецедентных ситуаций, прецедентных текстов, а также составляющих их упоминаний, аллюзий, цитаций, квазицитаций, иноязычных выражений, устойчивых выражений (фразеологизмов, идиом, пословиц, поговорок, афоризмов, крылатых фраз).

Количественный анализ используемых автором прецедентных феноменов в рассматриваемых произведениях позволил определить наиболее часто используемый подвид прецедентных феноменов – имена, которые выступают в качестве ядра прецедентного мира белгородской поэзии. Периферию прецедентного мира образуют аллюзии, цитации, квазицитации, иноязычные вкрапления, устойчивые выражения.

Прецедентный мир и составляющие его прецедентные феномены являются носителями фоновых знаний определенной лингвокультуры и обладают национальным или универсальным характером.

Одной из важных (хотя и факультативных) функций прецедентных феноменов оказывается текстообразующая. В целом ряде текстов важную роль играют группы прецедентных феноменов, восходящих к одному и тому же тексту или к одной и той же смысловой сфере. Эти единицы нередко занимают в тексте сильные позиции и воспринимаются как доминантные.

Проведенное исследование позволило сделать вывод, что прецедентные имена способны выступать как средство объединения и организации текста. Использование прецедентных имен способствует привлечению внимания читателя (слушателя) к форме текста, снижению напряженности общения и делает его менее формальным.

Культурологические особенности прецедентного мира белгородской поэзии заключаются в том, что автор использует значимые для него и других национальных сообществ, узнаваемые, независимо от возрастных, социальных и характеристик читателя, а значит, отражающие ценностный потенциал данного лингвокультурного сообщества.

Несмотря на разнородность прецедентных феноменов, их объединяют следующие признаки: 1) значимость в познавательном и эмоциональном отношениях; 2) сверхличностный характер; 3) постоянная возобновляемость в речи.

Указанными выше особенностями обусловлена способность прецедентных феноменов образовывать концепты. Выделяются концепты единичных прецедентных феноменов (личности, события, артефакты, географические объекты, животные) и концепты прецедентных миров, к которым относятся концепты реконструируемых (исторических) миров и метаконцепты воображаемых (художественных) миров.

Прецедентные единицы формируют особое лингвокультурное пространство, в котором элементы текста находятся во взаимодействии и взаимопроникновении. В самом выборе прецедентных единиц находит отражение творческая языковая личность автора как триединство общечеловеческого, национального и индивидуального.

Важную роль в концептуализации и вербализации элементов индивидуально-авторской картины мира играют прецедентные имена, которые реализуют свою коннотацию, будучи употребленным не только в прямом, но и в переносном значении, в качестве метафоры, символа, способствуя расширению культурного контекста поэтического произведения.

В отношении отбора и употребления прецедентных единиц белгородские авторы находятся в русле общерусской поэтической традиции. Важно отметить, что в творчестве корифеев белгородской поэзии (И.А. Чернухин и др.) наблюдается преобладание фольклорно-мифологических включений прецедентных элементов над книжными (литературными).

В качестве основных признаков прецедентных имен и аргументов самого факта их прецедентности мы полагаем значимыми следующие параметры: 1) регулярная воспроизводимость, повторяемость соответствующих имен в текстах, связанность соответствующих имен с классическими произ-

ведениями; 2) общеизвестность соответствующих феноменов или хотя бы их известность большинству членов лингвистического сообщества; 3) прецедентные имена как единицы языка и речи выступают репрезентантами прецедентных концептов – ментально-вербальных единиц, которые используются для представления, концептуализации и оценки действительности при построении картины мира и ее фрагментов; прецедентное имя – это всегда имя культурного концепта; 4) неденотативное использование того или иного имени в функции культурного знака, связь с известной ситуацией (прецедентная ситуация); 5) связь с метонимией: топонимы способны **метонимически** обозначать некие события, людей, эпохи, время и др., в этом случае прецедентность выступает как результат метонимического переноса, что, в свою очередь, позволяет говорить о метонимическом характере прецедентности.

При использовании прецедентных имен авторы публикаций должны ориентироваться на реальный уровень эрудиции наших соотечественников и активнее использовать ресурсы контекстуального раскрытия смысла прецедентных имен.

В целом, анализ фактического материала позволяет говорить о продолжении в индивидуально-авторских картинах мира белгородских поэтов устойчивых литературно-поэтических традиций, что проявляется в отборе и функционировании прецедентных единиц.

Среди наиболее актуальных направлений дальнейшего исследования прецедентности можно выделить следующие.

Во-первых, необходимо продолжить изучение видов прецедентных имен в их взаимодействии с иными прецедентными феноменами и иными единицами косвенной номинации.

Во-вторых, целесообразно дальнейшее изучение общей организации системы полей прецедентных имен с учетом сфер-источников и сфер-мишеней прецедентности, формируемых актуальных смыслов и других факторов, определяющих специфику национальной картины мира.

В-третьих, следует стремиться к расширению методологии изучения прецедентности и шире использовать методики психолингвистики, социолингвистики и иных современных научных школ.

В-четвертых, перспективным представляется анализ отдельных прецедентных феноменов или же их совокупности в рамках прецедентного мира одной тематики в текстах публицистического и научного жанров.

Дальнейшее развитие теории прецедентности и практики ее исследования приведет к постановке новых проблем, к обновлению и совершенствованию научного инструментария, который используется для исследования прецедентности. Более детального изучения требуют проблемы разграничения и соотнесения подвидов прецедентных текстов, выделения новых смежных видов прецедентов.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алефиренко Н.Ф. Методология и методы современной лингвистики [Текст]: учебное пособие / Алефиренко Н.Ф., Чумак-Жунь И.И. – Белгород: ИД «Белгород» НИУ «БелГУ», 2014. – 124с.
2. Анисимова Е. Е. Лингвистика текста и межкультурная коммуникация (на материале креолизованных текстов) [Текст]: / Е. Е. Анисимова. – М.: Академия, 2003. – 128с.
3. Антипов Г. А. Текст как явление культуры [Текст]: / Г. А. Антипов, О. А. Донских, И. Ю. Марковина, Ю. А. Сорокин. – Новосибирск: Наука, Сибирское отделение, 1989. – 196с.
4. Антропонимика [Текст]: Сб. статей.//Отв.ред. В.А. Никонов, А.В. Суперанская. – М.: Наука, 1970. – 360с.
5. Арнольд И. В. Семантика. Стилистика. Интертекстуальность [Текст]: Сб. статей / И. В. Арнольд. – СПб.: Издательство С.-Петербургского университета, 1999. – 444с.
6. Арнольд, И. В. Читательское восприятие интертекстуальности и герменевтика [Текст]: / И. В. Арнольд // Интертекстуальные связи в художественном тексте: межвузовский сб. науч. тр / отв. ред. И. В. Арнольд. – СПб. : Образование, 1993. – С.23-36.
7. Арутюнова Н. Д. Типы языковых значений. Оценка. Событие. Факт / Н. Д. Арутюнова. – М.: Наука, 1988. – 341с
8. Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека [Текст]: / Н. Д. Арутюнова. – М., Языки русской культуры, 1999. – 896с.
9. Ахманова О. С. «Вертикальный контекст» как филологическая проблема [Текст]: / О. С. Ахманова, И. В. Гюббенет // Вопросы языкознания. – 1977. – № 3. – С.47–54.
10. Бабенко Л.Г. Лингвистический анализ художественного текста. /Л.Г. Бабенко, Ю.В. Казарин. – М.: Флинта, 2005. – 496 с.

11. Барт Р. Избранные работы: Семиотика. Поэтика /Р. Барт. – М.: Прогресс, 1994. . – 616с.
12. Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества / М.М. Бахтин – М.: Издательство Искусство, 1986. – 446с.
13. Болотов В. И. Множественное число имени собственного и апеллятива / В. И. Болотов // Имя нарицательное и собственное. – М.: Наука, 1978. – С. 93– 106.
14. Бондалетов В. Д. Русская ономастика / В. Д. Бондалетов. – М. : Просвещение, 1983. – 224с.
15. Будаев Э. В. Метафора в политическом интердискурсе / Э. В. Будаев, А. П. Чудинов. – Екатеринбург, 2006. – 215с.
16. Валгина Н. С. Теория текста : учеб. пособие / Н. С. Валгина. – М.: Логос, 2003. – 173с.
17. Ворожбитова А. А. Теория текста : антропоцентрическое направление: учеб. пособие / А. А. Ворожбитова. – М.: Высшая школа, 2005. – 367с.
18. Гальперин И. Р. Текст как объект лингвистического исследования / И. Р. Гальперин. – М.: КомКнига, 2007. – 148с.
19. Гаспаров М.Л. Литературный интертекст и языковой интертекст./ М.Л. Гаспаров // Известия АН. Сер. Литературы и языка.- 2002. – Т.61,№4. – С.3– 9.
20. Горбаневский М.В. Ономастика в художественной литературе: Филологические этюды / М.В. Горбаневский. – М.: Изд-во Ун-та дружбы народов, 1987. – 88с.
21. Гридина Т. А. Языковая игра в художественном тексте / Т. А. Гридина //Екатеринбург: Уральский государственный педагогический университет (УрГПУ), 2008. – 165с.
22. Гудков Д. Б. Прецедентное имя в когнитивной базе современного русского языка / Д. Б. Гудков // Язык. Сознание. Коммуникация. – М., 1998. – Вып. 4.

23. Гудков Д.Б. Прецедентное имя и проблемы прецедентности. М.: Изд-во МГУ, 1999. –152 с.
24. Гудков Д. Б. Прецедентная ситуация и способы ее актуализации / Д. Б. Гудков // Язык. Сознание. Коммуникация. – М.: Диалог МГУ, 2000. – Вып. 11. – С.40–46.
25. Гудков, Д. Б. Прецедентное имя и проблемы прецедентности / Д. Б. Гудков. – М.: Изд-во МГУ, 1999. –152 с.
26. Гудков, Д. Б. Прецедентное имя. Проблемы денотации, сигнификации и коннотации / Д. Б. Гудков // Лингвокогнитивные проблемы межкультурной коммуникации : сб. статей. – М., 1997. – С.116–129.
27. Гудков Д. Б. Некоторые особенности функционирования прецедентных высказываний / Д. Б. Гудков, В. В. Красных, И. В. Захаренко, Д. В. Багаева // Вестник Московского университета. Сер. 9, Филология. – 1997. – № 4. С.106–117.
28. Гудков Д.Б. Проблема изучения и описания русского культурного пространства/ Д.Б. Гудков // Языковое бытие человека и этноса: психолингвистический и когнитивный аспекты: Сб.ст. /Под общ. Ред. В.А. Пшцальниковой. Барнаул: Изд-во Алт. Ун-та, 2004. - С. 22-31.
29. Ефремова М.А. Прецедентный кинотекст в диалоге культур / М.А. Ефремова // Культура взаимопонимания и взаимопонимание культур: Коллективная монография. Часть 1. Воронеж: Воронежский государственный университет, 2004. – С. 118 –129.
30. Захаренко И. В. Прецедентное имя и прецедентное высказывание как символы прецедентных феноменов / И. В. Захаренко, В. В. Красных, Д. Б. Гудков, Д. В. Багаева // Язык. Сознание. Коммуникация : сб. статей. – М.: Диалог МГУ, 1997. – Вып. 1. – С. 82 – 103.
31. Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс / В. И. Карасик. – М.: Перемена, 2004. –477 с.

32. Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность / Ю. Н. Караулов. – М.: Издательство ЛКИ, 1987. –264 с.
33. Караулов Ю. Н. Роль прецедентных текстов в структуре и функционировании языковой личности / Ю. Н. Караулов // Научные традиции и новые направления в преподавании русского языка и литературы. – М., 1996. . – С. 27 – 32.
34. Кожина М.Н. Стилистика русского языка: учебник / М.Н. Кожина, Л.Р. Дускаева, В.А. Салимовский. – М.: Флинта, 2008. –464 с.
35. Костомаров В. Г. Как тексты становятся прецедентными / В. Г. Костомаров, Н. Д. Бурвикова // Русский язык за рубежом. – 1994. – № 1. – С. 73 – 76.
36. Костомаров В. Г. Прецедентный текст как редуцированный дискурс / В. Г. Костомаров, Н. Д. Бурвикова // Язык как творчество: сб. статей к 70-летию В. П. Григорьева – М.:ИРЯ РАН, 1996. –с. 297–302.
37. Красных В. В. Этнопсихоллингвистика и лингвокультурология: курс лекций / В. В. Красных. – М.: Гнозис, 2002. –264 с
38. Красных В. В. Когнитивная база и прецедентные феномены в системе других единиц и в коммуникации / В. В. Красных, Д. Б. Гудков, И. В. Захаренко, Д. Б. Багаева // Вестник МГУ. Сер. 9, Филология. – 1997. – № 3. – с. 62 – 85.
39. Кристева Ю. Бахтин, слово, диалог и роман / Ю. Кристева // Вестник МГУ. Сер. 9. Филология. — 1995. — № 1. — С. 97—124.
40. Кубрякова Е.С. Виды пространств текста и дискурса // Е.С. Кубрякова, О.В. Александрова / / Категоризация мира: пространство и время. Материалы научной конференции. Под ред. Е.С.Кубряковой, О.В.Александровой.— М.: Изд-во МГУ, 1997.— с.15.
41. Кузьмина, Н. А. Интертекстуальный компонент в структуре языковой личности / Н. А. Кузьмина // Язык. Человек. Картина мира : материалы

Всерос. науч. конф. – Омск: Омский государственный университет (ОмГУ) 2000. – Ч. 1. — С. 107—111.

42. Кузьмина Н. А. Интертекст и его роль в процессах эволюции поэтического языка /Н.А. Кузьмина — Екатеринбург; Омск: Изд-во Урал, ун-та; Изд-во Омск. гос. ун-та, 1999. — 268 с.

43. Лингвистический энциклопедический словарь под ред. Ярцевой В.Н. — М.: Советская энциклопедия, 1990 — 685 с.

44. Лотман Ю.М. Структура художественного текста // Лотман Ю.М. Об искусстве. — СПб: Искусство — СПб, 1998.— с. 14-285.

45. Маслова В. А. Лингвокультурология : учеб. пособие / В. А. Маслова. – М.: Академия, 2001. — 183 с.

46. Михайлова Е. В. Интертекстуальность: аспекты изучения проблемы / Е. В. Михайлова // Языковая личность: аспекты лингвистики и лингводидактики: сб. науч. тр. – Волгоград: Перемена, 1999. – С. 32-42.

47. Михайлова, Е. В. О межтекстовых связях, интертекстуальной ситуации и текстовом симбиозе [Текст] / Е. В. Михайлова // Языковая личность: социолингвистические и эмотивные аспекты: сб. науч. тр. – Волгоград: Перемена, 1998. – С. 215-225.

48. Нахимова, Е. А. Прецедентные имена в политической коммуникации / Е. А. Нахимова // Вестник Уральского государственного технического университета – УПИ. Серия «Филология». – Екатеринбург, 2005. – № 60 (8). – С. 232 – 241.

49. Нахимова Е. А. Интертекстемы, прецедентные имена, текстовые реминисценции и метафоры / Е. А. Нахимова // Известия Уральского государственного педагогического университета. Лингвистика. – Екатеринбург, 2006. – Вып. 19. – С. 232 – 241.

50. Потебня А.А. Мысль и язык / А.А. Потебня. М. : Лабиринт, 2007. – 241 с.

51. Ревзина О.Г. Лингвистические основы интертекстуальности // Текст. Интертекст. Культура. Материалы международной научной конференции. М.: Азбуковник, 2001. - С. 60-63.
52. Рязанова, М. С. Прецедентные имена в рекламе / М. С. Рязанова // Известия Уральского государственного университета. Серия 1. Проблемы образования, науки и культуры. – 2007. – Вып. 1. – С. 129 – 136.
53. Сидоренко К. П. Интертекстовые связи пушкинского слова / К.П. Сидоренко. — СПб.: Изд. РГПУ им. А. И. Герцена, 1999. — 253 с.
54. Слышкин Г.Г. Лингвокультурные концепты прецедентных текстов. Автореф.дисс. . канд.филол.наук. — Волгоград, 1999. — 18 с.
55. Слышкин Г. Г. От текста к символу: лингвокультурные концепты прецедентных текстов в сознании и дискурсе / Г. Г. Слышкин. – М.: Академия, 2000. — 128 с.
56. Смирнов, И. П. Порождение интекста. (Элементы интертекстуального анализа с примерами из творчества Б. Л. Пастернака) / И. П. Смирнов. – СПб.: СПбГУ, 1995. — 193 с.
57. Соловьева В.С. Актуализация как средствосмыслообразования в художественном тексте / В.С. Соловьева. Авторефканд. филол.наук —Тверь, 2005 — 19 с.
58. Солодуб Ю. П. Интертекстуальность как лингвистическая проблема / Ю. П. Солодуб // Филологические науки. – 2002. – № 2. – С. 51 – 57.
59. Сорокин Ю. А. Прецедентность и смысловая структура художественного текста / Ю. А. Сорокин, И. М. Михалева // Структурно-семантический и стилистический анализ художественного текста: сб. науч. тр. – Харьков, 1989. – С. 113 – 115.
60. Сорокин Ю. А. Прецедентный текст как способ фиксации языкового сознания / Ю. А. Сорокин, И. М. Михалева // Язык и сознание: парадоксальная рациональность. – М., 1993. – С. 98 – 117.

61. Степанов Ю. С. Константы: словарь русской культуры : опыт исследования / Ю. С. Степанов. – М.: Языки русской культуры, 1997. – 824 с.
62. Суперанская А. В. Общая теория имени собственного / А. В. Суперанская. – М.: Наука, 1973. – 366 с.
63. Супрун, А. Е. Текстовые реминисценции как языковое явление / А. Е. Супрун // Вопросы языкознания. – 1995. – № 6. – С. 17 – 29.
64. Телия В.Н. Экспрессивность как проявление субъективного фактора в языке и ее прагматическая ориентация. — М., Наука, 1991 — с. 5-35.
65. Теория и методика ономастических исследований: / А. В. Суперанская, В. Э. Сталтмане, Н. В. Подольская, А. Х. Султанов; отв. ред. А. П. Непокупный; АН СССР, Ин-т языкознания. - Москва: Наука, 1986. – 254 с.
66. Тер-Минасова, С. Г. Язык и межкультурная коммуникация / С. Г. Тер-Минасова. — М.: Слово/Slovo, 2000. — 624 с.
67. Фатеева Н.А. Контрапункт интертекстуальности, или интертекст в мире текстов. М.: Агар, 2000. — 280 с.
68. Фатеева Н. А. Интертекстуальность и ее функции в художественном дискурсе / Н. А. Фатеева // Известия АН. Сер. литературы и языка. – 1997. – Т. 56, № 5. – С. 17 – 29.
69. Фатеева, Н. А. Контрапункт интертекстуальности, или Интертекст в мире текстов / Н. А. Фатеева. – М.: Агар, 2000. — 280 с.
70. Фатеева Н. А. О лингвопоэтическом и семиотическом статусе заглавий художественных произведений (на материале русской поэзии XX в.) // Поэтика и стилистика. 1988-1990. М.: Наука, 1991. -С. 108-124.
71. Фатеева Н. А. Типология интертекстуальных элементов и связей в художественной речи / Н. А. Фатеева // Известия АН. Сер. литературы и языка. – 1998. – Т. 57, № 5. – С. 25 – 38.
72. Федосюк М.Ю. В каком направлении развивались стили русской речи XX века // Филология и журналистика в контексте культуры (Лиманчик -98). Материалы Всерос. науч.конф. Вып.4. Ростов-на-Дону, 1998. С.3 – 4.

73. Филиппова С.Г. Интертекстуальные включения как репрезентанты авторских концептов в художественном тексте / С.Г. Филиппова // Герценовские чтения. Иностранные языки: Материалы конференции (8-20 мая 2004 г.). СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2004. – С. 43–44.

74. Филиппова С.Г. О роли интертекстуальных включений в понимании авторской картины мира / С.Г. Филиппова // Герценовские чтения. Иностранные языки: Материалы конференции (15-17 апреля 2003 г.). СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2003. – С. 49 – 50.

75. Фомичева Ж.Е. О типах интретекстуальности // Проблемы лингвистического анализа текста. Шадринск: Изд.во ШГПИ, 1993. – С. 23 – 28.

76. Хазагеров Т. Г. Общая риторика. Курс лекций. Словарь риторических фигур Текст. / Т. Г. Хазагеров, Л. С. Ширина. Ростов-на-Дону: РГУ, 1999. – 320 с.

77. Чудинов А. П. Метафорическая мозаика в современной политической коммуникации / А. П. Чудинов. – Екатеринбург: Уральский государственный педагогический университет, 2003. – 320 с.

78. Шестак Л. А. Славянские картины мира: рефлексии исторических судеб и художественная интерпретация концептосфер/ Л. А.Шестак // Языковая личность: культурные концепты. – Волгоград; Архангельск, 1996. – 544 с.

79. Якобсон, Р. О. Избранные труды / Р. О. Якобсон. – М.: Прогресс, 1985. – 460 с.

Источники

1. Дроздова Н. В. День пленэра: стихотворения. - Белгород: КОНСТАНТА, 2014.

2. В. Кичигина Утоление жажды. – Белгород, 2011

3. Лана Яснова. Зеркала – Новокузнецк: «Союз писателей», 2015.

4. Молчанов В.М.Поле русской славы: стихи. – Белгород: КОНСТАНТА, 2011

5. Оберемок А. Пьяные стихи. – Белгород, 2012.

6. Харченко В. «На звенящих канатах усердия и милосердия». Стихи. Заметки о стихосложении). – Белгород: Изд-во БелГУ, 2002.

7. Чернухин И.А. Город надежды: книга стихов.- Белгород: ОАО «Белгородская областная типография», 2006.